

INKERI

Inkerin Liiton julkaisu

Päätoimittaja: Aleksanteri Sirjanen

Lehti oli perustettu v. 1884.
Uuoistettu v. 1998.

Газета была основана
в 1884 году.
Вывук возобновлен
в 1998 году.

Рuh. +7 812 234 86 54
Телефон редакцуу:
8 (812) 234-86-54

N:ro 2 (077) kesäkuu 2012

Konttori: С.-Петербург, ул. Проф. Попова, д. 4а, корп. 22, оф. 303

2012

Inkeri muuttuu muistojen maaksi

Ei tämä maa oo oma maa, tää ompi vieras maa

Inkeri, jossa me asumme, ei ole meille vieras maa – eikä Venäjään koskaan ollut vieras. Mutta olemmeko tosiasiasa omalla maalla? Kun joku sanoo nykyään, että ”tämä on oma maa”, niin siinä maistuu valhe. Maamme muuttuu vähä vähältä toisenlaiseksi, se tuntuu entistä vieraammalta. Nyt täällä isännöi vieras, ja me olemme täällä kuin vieraita. Ei Inkeri ole kadonnut, vaan meistä on kadonnut oman maan tunne. Milloin se tapahtui? Ehkä silloin, kun kotikylän takamailla alkoi nousta kerrostaloja? Vai silloinko, kun äkkiä löysit, että lapsuudesta tuttu paikka lakeuksineen ja mäkiineen on muuttunut tuntemattomaksi? Vai silloinko, kun yritit päästä tuttuihin maisemiin, ja huomaatkin löysit, että edessäsi on puomi tai kyltti: pääsy kielletty? Ja vasta sitten tajusit, eittei tämä enää ole oma maa.

Inkerinmaata hävitetään hiekan takia. Sitä ruopataan ja viedään muualle. Inkeri on tullut maailman hiekanotopaikaksi. Kauniin kumpuilevan seudun tilalle jää ikävännäköinen tasanko. Siellä täällä silmään pitää kuutamomaisemat. Kaljaalan ja Kässylän paikat ovat jo korjattu maan päältä¹, niiden tilalle on jäänyt kuoppia. Inkerin teillä ajaa kuorma-autoja, jotka kuljettavat hiekkaa. Niitä kulkee toinen toisensa perässä niin, että kulkija joutuu väistämään kauas tieltä.

Hyvä ihminen, älä enää käy Toksovassa. Anna muistissasi olla, minkä muistat, säilytä mielessäsi, minkä pysyt entisiltä ajoilta. Jos olet täältä kotoisin, sinun olisi parempi elää ilman tätä tietoa. Kuka voisi ajatella, että Toksovan mäet kelpaavat yksin hiekanotopaikoiksi? Kenelle voisi juolahtaa mieleen ajatus, että nämä

seudut tulisivat puretuksi maan päältä? Hiekka otetaan Hittolasta ja Koivukylästä, Kuismalasta ja Himakkalasta.² Tutut tiet ja polut ovat nyt suljettu, tuttuja mäkiä ja notkoja ei enää ole olemassa.³ Kun näet kotiseudun hävitystä, tulee ensimmäiseksi mieleen: onko tämä pahaa untta?

Hiekkaa käy kaupaksi. Jotkut herrantapaiset myyvät maatamme kuin yksityisomaisuuttaan. Myös kokonaisia hiekanotopaikkoja myydään.⁴ Keitä sitten ovat nuomaamme hävittäjät? Onpa heillä nimensäkin.⁵ Alkaa epäillä, että he ovat ihmisiä. Kun näkee heidän toimintansa tuloksia, syntyy tunne, että maassamme isännöivät marsilaiset.

Hiekanotto ei ole ainoa hätä. Inkerin kauneimpia paikkoja hävitetään ja rakennetaan umpeen. Siellä, missä on ollut kymmenen taloja, nyt on satoja. Missä vanhastaan oli kulkenut tie, nyt on puomi, jonka takana kohoaa uusia linnoituksia. Kauemmas ei pääse. ”Tämä on suljettu asutus”, kertoo vahti kysyjälle. Saat siis ihaila linnoitusta aidan takaa. Tiilinen torni, korkea aita. ”Kauheaa”, huudahtaa suomalainen. Keitä ovat sen omistajat? Hyvä kysymys! Vahteina ja talonmiehinä on joskus suomalaisia. He palvelevat elämän isäntiä, ilmeisiä loisia ja pakanoita.

Keltossa rakennetaan uusi kaupunginosa kerrostaloihin.⁶ Siihen ei riittänyt tilaa tasangolla. Kattilaisin kohdalla rakennetaan Saaren uusi kaupunginosa. Paikoin seutu on rakennettu umpeen. Näin on käynyt Keltossa, Koivukylässä, Jukissa. Uudet kylänpahaset sijaitsevat suuremmalta osalta Kannaksella.⁷ Paikoin kaupataan kokonaisia valmiita asutuksia.⁸ Olisi väärin ajatella, että ihmiset rakentavat

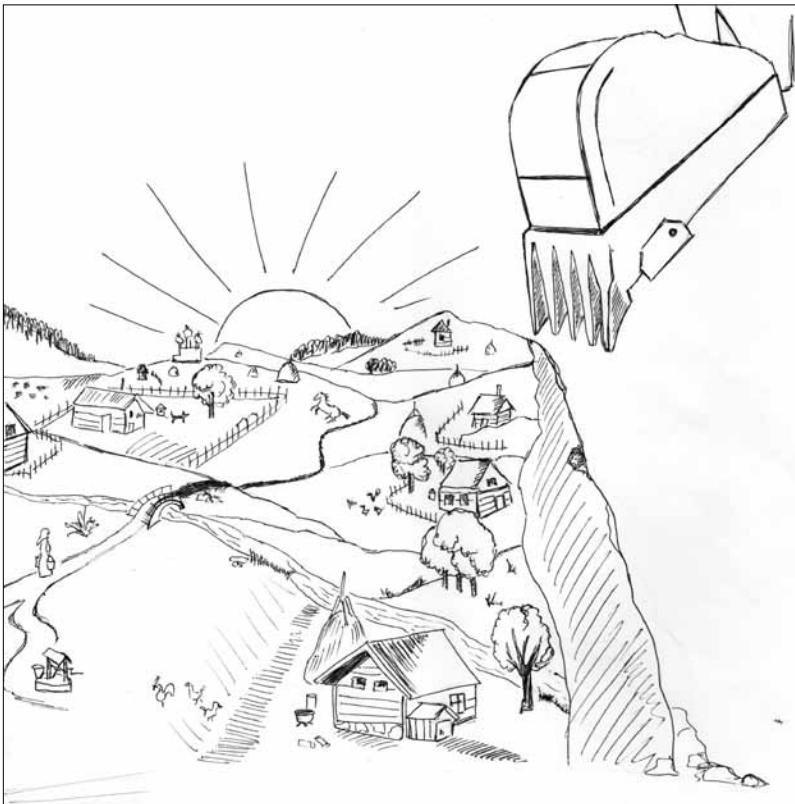
taloja itselleen, Niitä rakennetaan vain myytäväksi. Ostajat eivät tarvitse asuntoja. He vain sijoittavat rahaansa kiinteistöihin. Kuitenkin näkyy kaikkialla tyhjiä, vasta rakennettuja taloja. Niitä ei vain osteta. Useat niistä seisovat ovat hylättyinä, monet ovat tulleet jo rapistuneet. Tämä vaikuttaa oikein maamme hävitykseltä, ja se tapahtuu lain puitteissa. Tuntuu kuinka vieras onkaan tämä laki. Juuri tästä syntyy vieraalla maalla elämisen tunne.

Toinen maamme hätä ovat kaatopaikat. Pikkuisia kaatopaikkoja on kaikkialla, mutta paljon on isojakin. Leppisaaren kaatopaikka sijaitsee lähellä samannimistä kylää. Se on korkea tekomäki, jonka huipulla ajaa traktori.⁹ Tänne tuodaan roskaa joka päivä. Se haisee ja joskus palaa. Vuoleen Kirkonkylän Rämpissä kaatopaikka laajenee vuodesta toiseen. Pietarin lähiympäristössä on kymmeniä kaatopaikkoja.¹⁰ Useat niistä ovat palamassa.¹¹ Kaatopaikkojen verkko ympäri Pietaria jatkuvasti laajennetaan; paikallisten protestit hylätään.¹²

On maassamme muutakin hätää. Maatamme pitkin ja poikin kulkee useita kaasujohtoja. Niiden rakentamisen jälkeen jää hirviömäisiä näkymiä. Vuoljärven seutu möyrytty ylösalaisin juuri näin.¹³ Älä käy siellä paikan päällä. Riittää, jos katselisit kuvia. Sielläkin on ollut Inkerinmaa!

Älä sure, heimolainen! Tämä kaikki on edistystä ja maamme kulkua eteenpäin. Vanha on mennyt; sen tilalle tulee uutta. Menneet ovat entiset kansat ja heille kuulunut luonto.

Maan murhaamista ajatellen eivät pietarilaiset, eikä paikkakuntienkaan asukkaat pysy hiljaa.

Inkeri muuttuu muistojen maaksi (jatko)

He pohtivat tilannetta keskenään, vastustavat ja taistelevat maan pahoinpitelemistä voimiensa mukaan.¹⁴ Itse asiassa heitä on paljon ja he saavat äänensä kuuluviin.¹⁵ Ei kuulu vain inkerinsuomalaisen ääntä. Viimeiset elävät hiljaa. He tietävät, että on vaikea potkia tutkainta vastaan. Entä kansalliset järjestöt? Samaan aikaan, kun maata ryöstetään, Inkerin Liiton edustajat tanssivat ja laulavat. He eivät olekaan hölmöjä työntää itseään vaaraan. On tärkeämpääkin tekemistä, s.o. esiintyä inkerinsuomalaisina.

Tässä tulee totuuden hetki, tässä paljastuu kauniiden puheiden hinta, kansallisen toiminnan ja kielen opetuksen oikea tarkoitus. Tulee selville, että oikeassa olivat ne, jotka jo kauan sitten poistuivat tästä maasta. Viisaita olivat ne, jotka vaihtoivat elämän ja kodin

omalla maalla ulkomaalaisen kohdaloksi. Vastaako heidän vaivansa heidän pelastuksensa hintaa? Näyttää siltä.

Keitä olemme me, jotka asumme täällä? Ehkä ollaan vaan itsepäisiä hupakkoja? Vai tunnemmeko itsemme liian vanhoiksi poistumaan maasta, pakenemaan? Jätetään nämä kysymykset avoimiksi, koska tämän kirjoittajallakaan ei ole valmiita vastauksia. Yksi on selvää: me pidimme tätä maata omana, ja olimmekin väärässä.

Eipä ruikuteta enempää. Jatetaan pohtimista. Inkerinmaa säilyy yhä, jossain paikoin. Ne alueet ovat sivussa nykyisestä teollisesta toiminnasta. ”Siel on hyvä, mis ei meitä”, näin sanotaan eri kielillä. Totta, mutta Inkeristä löytyy yhä koteja, joissa asuu heimolaisiamme, ja niiden ympäriltä löytyy yhä koskematonta luontoa. Sinne eivät

päässeet tuo rakennushulluus ja tuo vahingollinen toiminta. Näiden talojen eläjät ovatkin oikeita kansamme perinteen kantajia. He elävät yhä omalla maalla. Kaikille muille: kaupunkilaisille, pakolai-

sille, paluumuuttajille, Suomen- sekä muiden maiden suomalaisille Inkeri jää satujen, oikeastaan muistojen maaksi.

A. Krjukov

1. http://www.nsp.ru/vdp_15524.html
2. <http://www.rudas.ru/news/69.html>
3. <http://nerud-spb.ru/karery-leningradskoj-oblasti/>
4. <http://www.decision.ru/articles/2011/831,print/>
5. <http://lalin.esosed.ru/>
6. http://lsrbase.ru/sand/how_to_buy/cash_payment
7. <http://www.megapolisstroy.ru/filter/koltushi1>
8. <http://www.zagorod.spb.ru/realty/villages/>
9. <http://kp-petergof.ru/cottage-poselok-buy/>
10. <http://www.ntv.ru/novosti/242400/>
11. http://www.pomoyka.org/part_news/132/
12. <http://asninfo.ru/se/o/4051/183>
13. <http://www.gazeta.spb.ru/60637-0/>
14. <http://www.voloyarvi.ru/index.php?topic=485.0>
15. <http://sergey-yuzhny.ucoz.ru/forum/2-8-1>
16. <http://asninfo.ru/se/article/34629,http://www.regnum.ru/news/ecology/1484734.html>

KRONIKKAA

Inkerin Liiton vuosikokous

Maaliskuun 31 p:nä Pietarissa vietettiin Inkerin Liiton vuosikokous. Siinä osallistui noin viitisenkymmentä edustajaa. Inkerin Liiton puheenjohtaja **Aleksanteri Kirjanen** esitti raportti Inkerin Liiton toiminnasta v:lta 2011. Hän kertoi m.m. kielikursseista, luennoista, joita oli pidetty kouluissa ja kulttuuritaloissa, ja sitten, **Korpi, Kotikontu** ja **Talomerkit** -lauluyhtyeiden konserttitoiminnasta. Edustajat pohtivat kantakansan statuksen saamisesta. Nykyään inkerinsuomalaisilla ei ole sitä statusta. Tämä on tärkeää, koska uuden ajan Venäjällä status tarkoittaa m.m. rahoitusta.

Tässä täytyy huomata, että jo 1930-luvulla ei epäilty, että inkerinsuomalaiset kuuluvat Leningradin alueen kantakansoihin, mutta se ei haittanut kansamme korjaamista pois Leningradin alueelta.

Vuosikokouksessa tapahtui myös vaalit. Valittiin Inkerin liiton puheenjohtaja ja neuvosto, entisellään 2 vuoden ajaksi. Puheenjohtajaksi jäi Aleksanteri Kirjanen. Neuvoston jäseneksi tulivat **Wladimir Kokko**, **Olga Konkova**, **Arvi Korkka**, **Antti Pyykkönen**, **Viljo Ostonen**, **Irina Ostonen**, **Aleksanteri Kirjanen**, **Tatjana Bykova** ja **Svetlana Tregub**. Vuosikokouksen virallisen osan päätyä oli Kotikontu-yhtyen konsertti.

Vaakunat Inkerin kunnille

Inkeri-lehden toimittaja **Antti Pyykkönen** ja taitelija **Wladimir Zernov** osallistuivat VOT-TV ohjelmassa **Pietari ennen Pietaria**. Keskustelun aiheena oli Inkerinmaan heraalidiikan historia ja nykyaika. **Antti Pyykkönen** kertoi Inkerin vaakunan ja lipun historiasta. **Wladimir Zernov** esitti omalaatuiset Inkerin seurakuntien vaakunien piirroset. Tämä tapa tunnetaan Suomessa, jossa sodanjälkeisessä kaudessa tehtiin vaakunat m.m. luovutetun Karjalan kunnille. Entisessä Inkerissa ei ollut vaakunia seurakunnilla, niinkuin kunnillakaan.

Voi olla, että nyt meilläkin jatkuu tämä hyvä perinne. Uusien vaakunien aiheiksi otettiin historialliset tapahtumat, paikalliset tarinat, sekä luonnon ominaisuudet; muutaman vaakunan idea perustettiin seurakunnan nimen pohjalla. Vaakunien ideat ovat eri ihmisiltä. Vaakunat hyväksyttiin seurakuntien kokouksissa (mikäli seurakunta toimii). Vaakunat Inkerin kunnille on W. Zernovin monivuotinen työ.

Inkerin kiertomuseo saapunut Toksovaan

15 huhtikuuta Inkerin kantakansojen kiertomuseo alkoi toimintansa Toksovan koulussa. Museon näyttelyssä saa nähdä Inkerin karttaa, kansallispukuja ja entisen ajan valokuvia. M.m. siinä esiintyy Pietarin Inkerin Liiton kansallispukukerholla valmistettu Toksovan naispuku 1800-luvusta. Se on ompeltu **Olga Konkovan** ja **Natalja Romanovan** tietojen mukaan. Muuseon seuraavassa ohjelmassa on työpaja, useita seminaareja sekä konsertteja.

Talkoot Tuutarin Kirkonmäellä

3 p:nä kesäkuuta Tuutarin vanhalla hautausmaalla asetettiin muistopatsas. Iso risti valmistettiin Tuutari-park OY avulla. Sen omistaja **Aleksandr Vaitkus** vuokraa viime aikana koko Tuutarin mäen. Hänen vuokraamalla alueella sijaitsevat m.m. toimiva ja vanha hautausmaa. Tuutarin mäen uusi isäntä on korjannut tilaansa omalla makulla näin, että kirkon sijalle on pantu korkea hiekkakumpu, jolla ajaavat kilpaa-utot. 1900-luvun juhannusten kohtaa ei enää ole olemassa; mäen rinteet tasoitettiin näin tavoin, jotta ne vastaisivat uusiin tehtäviin.

9 toukokuuta Tuutarin vanhalla hautausmaalla vietettiin talkoot (ven. subbotnik). Siinä osallistuivat vapaaehtoiset työntekijät, m.m. Tuutarin seurakuntalaiset. Talkoossa hakkasiin pensaikko ja puhdistettiin käytävä. Talkojen järjestäjänä oli **Arvi Korkka**, Karvalan (Suarelan) vallittu kylänvanhin.

Vanha hautausmaa hylätiin sodan jälkeen. Tuutarin kivikirkko, joka oli rakennettu 1800-luvulla, tuhoitettiin Toisen maailman sodan aikana. Rauniot räjähdettiin 1950-luvulla.

Toimittaneet
Antti Pyykkönen ja A. Krjukov

Sepänsuon nuorison elämästä

On kesäinen lauantai-ilta. Naapurin tytöt pistäytyvät meille, vaikka eikään ole oikein tapana lauantai-iltana enää kyläillä. ”Lähdetäänkö huomenna Toksovan kirkkoon, kun on näin hyvä ilma” joku ehdotti. Sanoin vastaukseksi että ei huomenna, vaan sitten taisii. Johan se yksi kesäinen reisu tehtiin Helluntaina, kun siellä olivat lukulapset ripillä. Sehän oli meillä tapa, josko vain ilma sallii että ei ollut vesisade. Olihan sinne matkaa kaksikymmentä kilometriä ja edestakaisin se teki neljäkymmentä kilometriä. Jos sattui sade, niin kyllä se ehti pestä puhtaaksi ennenkuin oltiin kotona. Siis ei nyt huomenna Toksovaan vaan omaan kirkkoon, Rääpyvän kirkkoon, se oli kymmenen kilometrin päässä.

Se reisu tehtiin useasti kesäisin jalalla. Emännät ja isännät kyllä tekivät sen reissun hevosilla, mutta me lapset ja nuoret jalalla, eikä se mitään merkinyt, ja niin aamulla siis lähdettiin.

Oli kaunis kesäaamu. Meitä nuoria kokoontuikin liki kymmentä henkeä. Olihan meitä, kuten meillä oli tapana sanoa ”kahen talon ainoat tytöt”, yhteensä kuusi. Matkalla liittyi sitten joukkoon useita, kun päästiin kylille.

Mein kylä sijaitsi neljä kilometriä metsän sisällä eroitettuna toisista kylistä. Se oli Sepänsuon kylä kirkon kirjoissa, muuten Proopa muissa kirjoissa.

Kylä muodostui 1870 ja sen jälkeen, Suomesta tulleista nälkäpökölaisistä. Erään kerran Irinofkan parooni Korf ajoi Pietarista ja hevoselta putosi kenkä, niin piti tehdä pysähdys. Tässä Leppäsaaren ja Irinofkan tien haarassa asui seppä, jolla oli hyvä ansaita sitä.

Laatokalta oli tähän yli kaksikymmentä kilometriä ja siellä kolme venäläistä kylää, Morja, Borissova Kriva ja Irinofka, ja toiseen suuntaan Leppäsaaren kylä, minkä synnystä minulla ei ole tietoa. Se kylä oli aivan suomalaistia, sillä sukunimet olivat pohjataan Tuhu, Lankinen, Mustonen ja Kaipainen. Kylä oli virunut seitsemää kilometriä pitkäksi joen palteisen. Joen nimenä oli Leppäsaaren joki, joka laski Ruvan jokeen lähellä Merensalon metsää ja sitten salometsän läpi Laatokkaan. Olen itse ne kaikki jalan harppinut lapsena. Puolen tietä muu-

ramessa käydessä, toiset puolet mustikkassa ollessa. Olen kasvoni pessyt Laatokan metsäisessä vedessä.

Siitä oli matkaa Kaavanin kylään viisi kilometriä. Näkyivät talotkin hyvin. Kaavani kuului Vuoleen seurakuntaan.—

Siinä sepän kenkitettyä hevosen, barooni istui lakeinsa kanssa kantojen päällä, ne olivat pajan edessä tuolien sijasta istuimena. Parooni sanoi lakeille ”tavai probuem delat syda derevny” (koetan tähän suohon järjestää kylän), ja siitä se alkoi.

Hän kaivatti kahden puolen tietä ojat ja teetti mukukivestä tien, ja istutti koivut tien viereen ja antoi kutsun hakijoille, ken tahtoo asustaa tätä korpisuota. Niin jo vielä teetti neljä tiilitaloa asujia varten. Näin alkoi hiljalleen asuttua Suomen nälkäpökölaisistä tämä kylä. Melkein ensimmäisiä asujia olivat Multaset, Hannoset, Pakkasat. Sitten tuli muitten mukana Jaakkiman Ihalasta Kaarlo Kohonen perheineen, missä oli kolme poikaa, Jaakko, Antti ja Juhana ja ainoa tytär Helena. Kohosten rinnalle teki talonsa Kurkijoelta tullut Juhana Jussilainen. Hänellä oli kaksi poikaa, Antti ja Simo. Vielä ilmestyi kaksi perhettä, Kes-

seli Matti ja Kesselin Antti, en tiedä oliko ne sukua. Näistä kokoontuivat kaikki kylän kylän alkuasukkaat.—

Barooni antoi määräyksen maanmittareille mitata jokaiselle asujalle kymmenen hehtaaria suota ja metsää sekaisin. Rakennukset piti rakentaa tienviereen. Niin näin alkoi kylä, niin kin ikä ei ollut saataakaan vuotta.

Sunnuntaina aamupäivällä käytiin kirkossa. Nyt oltiin jo kotona. Syöty, juotu tsajua, lepäiltiin kuka miten osas. Toiset makailivat. Mie otin oman kirjain, mikä ol otettu yhelt naapurilt ja mänin tarhaa pihlajan varjoo lukemaa. Tytöt tulleet ja nakkoot miut loikovan kirja kiäjes. — ”Vie pois se kirjais, mis teijen toist tytöt?” Sanoin heillet makajaat sertakas. — ”Lähetää siekii ja männää yhes heit herättämää”. Niin lähettiikii. Ilma oli oikein kaunis ja kesäinen. Hyö sannoit, ”lähetää Lepsuaree, siel sillan korvas ovat tänä iltana, tai iltapäivällä leikit, lähetää sinne”. Miiittii ja piätettii lähtii. Mie vähän pitelin puoliain, jot mie tahtoisin lukkii, ko arkin on niin vähän aikaa. Huomenkii pitäs männä mustikkaa ja pitäs viimeisen kerran

mullata omena muat (perunamaat) ja kokkii vavon piät, niin jot ei ole lukemisee aikaa. Mie olin sisaruksiist nuorin, toist olliit jo käyneet rippikoulun, mie en olt viel käynt. Vanhin siso sano jo ”pane, pane piälleis ja lähetää, ihmist luuloot jot meitä ko on kolme, ni myö ei sinnuu laseta, tai ei uo mitä piäl panna, sukkela sukkela ja niin toisiin kans lähtemää”. Mikäs mun autto ko pit panna piäl ja lähtii toisiin kans leikkilöihin. Niin lähetti. Äiti huusi jälest, jot muistakaa tulla lypsyajaks kottii. Hiä ei oikein suvant paljon muailman mänöloist, ko hyö olliit entisii pyhäkoulun opettajii, kumpanekii isän kans. Nyt olliit ajat toiset ja sinä syksyn piti meiltkii papin männä pois, niin jot mie sit käin jo rippikoulunkii Pietarin Pyhän Marian kirkos.

Nuorii ko oltii, nii jossain pit nuorin käyvä. Mäntii peltotietä niinkauan ko tultii metsän reunaa. Peltotiel kukkasat ja heinät nyökyttiit päitää ja varmaan sannoit: ”päivää, päivää, hyvää kesäpäivää, myö ollaa nuorii, niinkuin työkii”. Eikä nekkää sitä tiitäneet jot viikon piäst tulloo viikatemies ja katkasee niihen ihanan kesän.

Sepänsuon nuorisoa v. 1929

1 rivi ylhäältä: Jaakko Kiuru, Jaakko Iho, Helmi Kohonen, Antti Pakkanen, Simo Multanen.

2 rivi: Jussi Multanen, Iita Kohonen, Eino Kemppinen, Hilma Pakkanen, Jussi Kuronen, Iita Hannonen.

3 rivi: Anna Kohonen, Iita Pakkanen, Simo Roiha, Toivo Räikkönen, Toivo Kohonen, Kolja Kohonen, Anna Kemppinen, Hilma Kessel.

Alhaalla: Anna Kiuru, Hilma Multanen, Anna-Maria Pakkanen, Hilja Kohonen.

Sepänsuon nuorison elämästä (jatko)

Mäntii metsätietä ja tienpuoliist syötii jo kypsyeitä mustikkoi. Syötii ja naurettii jot nyt männää leikkilöihin suut mustat ja kiäjet samanlaiset. Joku sano, ”Ei mittää, joves vettä riittää pessää”. Näin tultii jo niin likkee jot kuulu nuorten rähinä. Yks tyttöloist alko laulaa ja koputtaa jaloillaa, ”Nyt se tulloo meijen vuoro lähtii lopettammaa. Oppikaa työ meijen työt leikis koputtammaa”. Joku toinenkin yhtyi, ”sorjat suita supistelloot, mie vua laulan lenttuun ja eikä se ole tämä tyttö joka pojan henttu”.

Jo myökii oltii metsän reunas ja näkykii kaikkii se leikin vallattomuus, kirkas aurinko, vihreä joen palle, siinä suuri komea talo, talon lihava emäntä tul rappusiil valkija kalvaate piäs ja puhas peretniekka vyöl katsomaa nuorten iloja, niin suuret ukkospilvet jo olliit elämän taivaal, eikä sitä pitkää aikaa kulu- nut ko tämän talon asukkaatkii joutu- tuit teil-tietämättömil.

Myö tultii rantaa, se ol tuttu paik- ka lapsuvest ast, oltii täs pulajettu. Joku tyttöloist sano, ”Katsokaa tu- ta kivii. Nyt on vettä nuoin vähä joves, on olt kauva poutaa. Hellun- tain ol ko käytii pesemäs täkkilöi ja polovikkoi ni tuo kiv oi melkein veen peitos, ko sikäli mikäli saippu- voitit ja hankasit ni sikäli se huuh- taitukkii, ko ves oi niin ylläl a nyt kiv noin suur”. Siin sitä pestii suut sekä kiäjet ja pyyhittii nästykkilöi- hin mitkä tulliit ihan märäks. Nyt noustii pientareel mis leikit jatkui ja laulukii. Nyt kuulin tuas laulun sa- natkii ”Ei piä männä tyttölöihen kä-

velemmää metsii. Sit ei huoli suu- von kautta lapsil issää etsii”. Toinen jatkaa: ”Soisin muailman sivistyvän et sellast ei kuulus missää, ko ei uo viel miestäkää, mut laps on ilman issää”. Tähän tapaan laulu jatkui ja tytöt nauraa tirskuut. Sit muuttiit laulun ja läksiit piiri. Laulaja tyttö repäsi laulun ”Kukapa se Inkerissä kyntää ja kylvää ja kukapa se ojat kaivaa. Inkeristä vietään ne parraat pojat merelle sotalaivaa” j.n.e., tämä on pitkä.

Meijen vanhemmat työt olliit jo sakis, mut mie katselin ja ihailin ympäristö. Tuolt se joki virtaa syn- gän metsän ja rehevän pellon läpi, siis joven toinen puoli on hyvin hoi- jettu pelto a toinen puoli viellä koskematon metsää, a tämä koh- ta oikein solakkaa harvaa metsää ja joku petäjä kasvaa niin rannassa että kevätvejet ovat pesseet maankii pois juuriil ja juuret ovat ihan sa- manlaiset ruskija kuin puukii. Tuol vähän etempääl joven rannal puun- juuriin piäl istuu tyttö ja poika. Heil on niin paljon tarinaa ja sorja on syrjäst katsoo. Nuoret ja sorjat ovat kumpanekii. Tuul häilyttää hiuksii, ne on ko kultarihmoi iltapäivän au- ringon paistes. Kuulin toisiilt tyttö- löilt jot ne on jo kuuloitettu ja pari kahen viikon piäst ovat hiät. Nuorii kyl ovat, mut elämää koht lähtööt.—

Aurinko alenoo ja alenoo. Tytöt mein pittää lähtii kottii, lehmät tul- loot ja lypsää pittää. Lähetii. Leikit jäivät viel täysijää. Kesäilta on pitkä ja ilma ol erityisin hyvä.

Kottii tultiin suurta tietä myöten, vaik silt on pitemp matka. Ajois

kottii kerettii, lehmät tulliit just yl rautatien ja enneko ne kantoit kot- ti ne suuret majon täyteiset utarat, ne tulla tallustiit niin hiljaa, myö kerittii viel vaihtaa vaatteet ja olla jokenen omissa hommissa. Kuka vei sijoil ruokaa, kuka ol lehmii vastas, kuka varust vettä lapsiin jal- koi pessä, niin yks, kaks olliit kaik työt tehty. Lypsäjii lehmii ol silloin kuus. Kahen kesen ko männiit ni ei niist tult ko kolme lehmää henkee. Kolmais sil aikaa pes lapset, kasvot, kädet ja jalat. Ädil iltanen jo pöy- vväs vuottel niin jo ei muutako syö- tiä ja juotii ja oltii vappaat. Äiti pes astijat ja siivos iltasen jälkii. Mie otin kirjain, se ol ”Taavidin huo- neen Herra,” ja läksin sertakkaa, tai oikeimmin palhoonal, lukemaa. Kesäiltana kauan oli valoisaa. Sis- kot juoksiit viel Pakkasiin luo, siel aina kokoontui kyläläisii, nuorii, niinkuin vanhempiki ihmisi. Siel löivät pellol laptuu, siin Pakkasiin luon, aseman pettäikön täl puolel ol hyvä pelto sitä varten, jot sai laptuu lyyvä ja juossa kaikenlaisii leikki- löi. Suuremmatkii pittiiit leikist ”ta- kimainen par ulos”, karkaamisest ja ”linnan lyönnist”. Siel leikkiit kaik- kii, kuka mitä tahto.

Aika män huomaamatta ja alkoit vanhemmat sannoo että kottii nyt, kaikil on huomenna työtä. Siel sop- piit jo mustikkaa lähöst, niin mein- kii tyttöloist toinen lupas lähtii.

Isä nous aamusii aikaisiin ja pan Mustaharjan (se oi hevosen nimi) valjaihii atraa. Se oli sellanen pui- nen, siin ol vaa rautaa atran terät. Ja niin hevonen veti, itse män favon väliä myöten, ja isä kulki myös pitä- en atraa sarvikat kiini. Se itse painu

sen verran muaha juuri kuin piti ja näin kynti aamutuimaa suuren ome- namuan.

Myö ko noustii yllä ja oltii juotu aamukahvit ni pelto jo ootti meitä. Myö sit nostettii kaik kuatuneet varret ja lehet muan alt pois ja lo- puks sit kokittii vakojen piät. Siin riitti työtä päiväksi. Keskimäinen siso käi mustikas. Huomen pit läh- ti leheksee. Täl viikol pit suahha lehekset kottii ja tehä vastat, ko uu- vvel viikol alko jo heinän teko, sit ei ole ennää aikaa muist töist, kuin yksi puoleksi päiväks mustikkaa, toiset hajottaat lakkaat ja tekevät muut työt. Iltapuolel on suattoominen ja heiniin korjaaminen. Meil haravoitii kanneel, niinko lyötiikki. Pientareet lyötii käsii. Kyl siin työtä riitti ko ei suant ennää vierasta työ- voimaa käyttää. Olha viel tänä ke- sän setsemän lehmää, kaks hevosta, vasikat ja lampaat piäl piätteeks. Niin kaik tulliit tehtyksi, mut se ol- kii jo viimeinen onnellinen kesä ja sit leht muuttu. Isän terveys murtui, äiti olikii sairaanoinen ja sit alkoit muut kiusat ja loppujen lopuksi nuo muailman kiertokoulut.

Meitä lapsii ol kaheksan, kaks kuol pienenä, meitä kuus kasvoi ai- kuiseksi. Nyt on jälellä vain kaksi.

Sukuhauta on suuri. Isä lepää Keski-Aasiassa Taskentin takan. Äiti Krasnojarskin takana Maana- joen varrella. Yksi sisarista Viatkan taikassa, kaksi sisarta täällä Karja- lassa ja veli rintamareissulla.

Paikan tiedän missä synnyin ajan kaiken missä elin, En vaan tiedä sitä paikkaa, missä kuolema kohtaa.

Hilja Kohonen Rääpövan Sepänsuon kylästä
Toimittaneet **A. Krjukov** ja **M. Muslimov**.

Hilja Kohonen oli syntynyt Rääpövan Sepänsuon kylässä v.1914. Koho- set lähetettiin Keski-Aasiaan v.1935. Hilja asui Pahta-Aralissa v:lle 1954, kunnes hänen nuorempi veli Sulo Kohonen kutsui heita Helmi-siskon kanssa Petroskoihin. Hilja ei ollut naimisissa, hän asui 45 vuotta Sulo-veljen per- heessä. Hiljan kanssa tapasimme kesäkuussa v. 1990. Tuolloin sain nähdä hänen muistiinpanoja, joita hän kirjoitti osaksi «inkerin kielellä». Nämä muistiinpanot olivat vihkoissa, joita oli ehkä 5-8 kappaletta. Vuonna 1992 Hilja lähti Suomeen. Hän asui Imatralla, jossa kuoli noin v. 2005.

Sulo Kohonen lähti Suomeen v.1998. Kun tapasimme Petroskoissa v. 1994, oli meillä puhetta muun muuassa Hiljan käsikirjoituksista. Siihen ai- kaan heidän elämässä oli paljon tapahtunut, ja vihkojen sijainti oli enää epä- selvä. Seuraavan kerran tapasin Sulo Kohosen v. 2004, kun hän oli käynyt kotiseudullaan suomalaisten matkustajien kanssa. Kohta sen jälkeen Sulo Kohonen lähetti minulle yhden vihkon, jossa onkin Hiljan muistiinpanoja. Tuo vihko on nykyisiin asti tämän kirjoittajalla, ja juuri siinä vihkossa onkin se kertoma, joka on tässä toimitettu ja julkaistu.

Talonpoika kyntää atralla (Atkinson. Pietari, Erämaja)

СЕЛЬСКИЙ УЧИТЕЛЬ

Юрьё Бекман (7.2.1871— 4.12.1955)
— выпускник Колпанской семинарии (9-й выпуск, годы обучения 1892—1896).

Юрьё (Георгий) Бекман (Yrjö Beckman) родился в деревне Новосёлка прихода Каприо (д. Новосёлки недалеко от Копорья, Ленинградская обл.) в семье церковного служащего (suntio) Петра Бекмана. Семья была большая, дружная; у Юрьё было 5 братьев и 4 сестры. Братья Иван, Карл и Николай Бекманы, став взрослыми, получили технические специальности, работали на Русском Дизеле, у Нобеля; Константин пошёл на военную службу; сёстры занимались женскими работами, служили горничными (домработницами) и поварами в Петербурге и в Москве, младший брат Пётр остался с родителями в Копорье (д. Новосёлки).

После окончания школы в Копорье Юрьё мечтал стать моряком, но не прошёл строгую медицинскую комиссию. В 1892 году Юрьё поступил в Колпанскую семинарию и закончил её в 1896. Был направлен учителем в деревню Муя прихода Ярвисаари (бывший Мгинский, сейчас — Тосненский район Ленинградской обл.).

В 1901 г. женился на Розалии Колехмайнен. Сыновья Юрьё Бекмана и Розалии: Рудольф (1910—1933) и Адольф (родился в 1920 году, живёт в Карелии).

С приездом Юрьё Бекмана в Муе была построена новая школа. Школу построили на горе между деревнями Муя и Старостино. В одной половине школы был учебный класс, в другой — квартира учителя. В дополнительном коридоре было даже

выделено место, где хранились заготовки для школьных обедов: бочки с капустой и клюквой. По периметру школьной территории были посажены ели, на юго-восточной стороне — яблоневый сад. В 1920-х годах в этой школе учились старшие классы, начальные классы были в школе, которая находилась в центре деревни Муя. Учитель Юрьё Бекман, как было принято в то время, вёл все школьные предметы.

Кроме преподавания в школе Юрьё руководил смешанным хором (в котором пели и дети, и взрослые). Хор из деревни Муя был известен в округе. И хор, и ученики со школьными спектаклями выезжали с выступлениями в другие деревни.

У Юрьё Бекмана была хорошая библиотека, книги он выписывал из Выборга. Все жители деревни могли пользоваться этой библиотекой. Учитель Бекман активно участвовал в жизни деревни, был одним из организаторов сельхозкооператива, созданного ещё до революции. Интересовался новинками в сельском хозяйстве, помогал оформлять заказы на сельхозинвентарь, оборудование (косилки, молотилки и пр.), которое поставляли уральские промышленники; сажены из питомников, семена и другие товары, необходимые односельчанам.

Школа в деревне Муя была финской, в 1937 году обучение перевели на русский язык. Тут оказалось, что русский язык в русской школе преподавать некому, тогда опять пригласили Юрьё Бекмана, в то время бывшего уже на пенсии, работавшего в колхозе бухгалтером.

Ученики Юрьё Бекмана и после окончания школы не забывали учителя, всегда навещали его, бывая в Муе. Даже в 1970-х годах в семью Бекмана приходили письма с воспоминаниями о нём. Среди учеников Юрьё Бекмана были будущий писатель Юрьё Саволайнен и поэт Топиас Гуттари (Леа Хело), ставшие известными в Ингерманландии и Карелии.

У дома семьи Топиаса Гуттари было прозвище — Helola. В Муе любили стихи Топи, уважали его. Школьники шутили: «Ори, ори, kun Helolan Tori!» (“Учись, учись, как Хелолан Топи!”). Одинажды, в начале 1930-х, Топи,

уже известный поэт, пришёл к Бекману — босиком, на нём была простая рубашка, брюки на подтяжках. Сказал: «Вот, пришёл к тебе босиком». Они долго говорили; время было сложное.

Учитель и ученики сохраняли тёплые дружеские отношения. Юрьё Саволайнен был крёстным сыном Бекмана, Адольфа. В романе Юрьё Саволайнена «В буре времен» (Aikojen hyrskyissä) в образе учителя (opettaja) узнавали Юрьё Бекмана. Юрьё Саволайнена постигла тяжёлая участь, он был арестован 10 августа 1937 г. и расстрелян в Ленинграде 15 ноября 1937 г.

Во время войны занявшие деревню фашисты разместились в здании школы, сожгли все книги школьной библиотеки. В костёр были брошены и Гёте, и Гюго, и Алексис Киви. Старого учителя выгнали из дома. Была зима, Юрьё пошёл в Шапки, к своему другу, луккари (псаломщику) Андреасу Ристеру. Но Ристер не мог принять Бекмана: накануне немцы повесили его сына.

В переселенческом лагере, во время отправки жителей деревни Муя в Финляндию, Юрьё Бекман собрал участников хора. Они пели, и это давало им силы в то тяжёлое время.

После войны Юрьё Бекман вернулся из Финляндии, но на родной земле почти восьмидесятилетнему учителю, как и другим финнам, жить было запрещено. С сыном, вернувшимся из Сибири, они встретились в Карелии.

Своих сыновей Юрьё Бекман с детства приучал к труду, самостоятельности, ответственности.

Старший сын, Рудольф (1910—1933) так же, как и отец, стал учителем, закончил Красногвардейский педтехникум (быв. Колпанская семинария, позже Гатчинский педагогический техникум). Был очень деятельным, прогрессивным человеком. Рудольф занимался фотографией, сам собрал радио, собрал и привёл телефон из школы в дом учителя (в то время, в 1930 г. Юрьё построил свой дом рядом со школой). Рудольф играл на многих музыкальных инструментах. Был мастером по ремонту общественной деревенской гармони. Жители деревни Муя покупали

общественную гармонию для гармониста Юсси Пара (Jussi Para). Юсси играл лучше всех в деревне, и очень часто у него гармонь выходила из строя, и Рудольфу приходилось её лечить. Рудольф был заводилой в деревне, занимался спортом, купался в ледяной воде. Рудольф Бекман, Виктор Саволайнен и Топи Гуттари (Леа Хело) были хорошими друзьями. К сожалению, жизнь Рудольфа рано оборвалась: он работал учителем в школу в деревню Метсапиртти (Metsäpirtti), а там очень многие болели туберкулёзом.

Адольф, младший сын Юрьё-Бекмана, родился 25 сентября 1920 года. Учился и работал в Ленинграде, участник обороны Ленинграда. В марте 1942 эвакуирован в Сибирь. С 1949 живёт в д. Мийнала Питкярантского района Карелии. Адольф Георгиевич много лет работал токарем в со-вхозе “Салми”. Заслуженный рационализатор и изобретатель: благодаря Адольфу Георгиевичу облегчены многие трудоёмкие производственные процессы в полеводстве и животноводстве.

В 1988 г. в журнале «Пуналиппу» (Punalippu, Petroskoi, 1988/8) был опубликован рассказ учеников Бекмана. Проживавшие в то время в Таллинне Лююли и Антти Гуйтар вспоминали своего учителя. Вот рассказ Лююли Гуйтар:

«Вспоминается июнь 1936 года, когда мы отмечали юбилей нашего учителя Юрьё Бекмана: это было 40 летие его работы в нашей школе. Школа была построена тогда, когда он начал свою преподавательскую деятельность. Мюллюмяен коулу (школа на мельничной горе) — так называли школу, она была расположена между двумя деревнями Муя и Старостино. Наверно, на этой горе когда-то была ветряная мельница, когда мы шли в школу, там всегда был сильный ветер.

Мы готовили праздничную программу, Юрьё Бекман сам пригласил прежних участников его хора.

Им не потребовалось много репетировать, потому что песни были уже прежде разучены и их пели на многих других мероприятиях и праздниках.

СЕЛЬСКИЙ УЧИТЕЛЬ (продолжение)

Юрьё Бекман с семьёй в Карелии (Миннала), 1950-е годы.

Мы, помладше, а также и учащиеся на тот момент школьники под руководством их учителей, репетировали новые песни. Пели три хора. Лучшим был хор старшей возрастной группы, у ко-

торого самой впечатляющей была песня о ярмарке (Markkinalaalu). Я слышала эту песню даже сейчас, её поют на финском радио. Мы взяли (подготовили) первые две части пьесы «Сапожники

Нумми» Алексиса Киви, а также ряд других вещей.

Речь по случаю торжества держал, конечно, наш писатель Юрьё Саволайнен. Он же в своё время в этой Мюллюмяен школе учился, а позже вместе со своим тезкой Юрьё Бекманом разработывал учебники.

Сюрпризом для нас на праздник прибыл в качестве гостя Ленинградский финский театр, а также другие гости. Мы очень волновались за представление пьесы «Сапожники Нумми».

Я нашла в Ленинградском костюмном запаснике костюмы для этого спектакля – возможно, и это способствовало тому, что мы получили хорошие отзывы от авторитетных гостей.

Празднование состоялось на школьном дворе. Там была построена сцена, а также зрительный зал.

Большие ели вокруг школы создавали величественное и

праздничное впечатление. Даже погода нам благоприятствовала тогда. Мы были счастливы, так как все прошло хорошо. В конце танцевали под аккомпанемент Е. А. Куяла (Kujala). Тогда мы еще не представляли (а, может быть, всё-же предчувствовали?), что это был наш последний финский праздник.

Всё изменилось.

Начался долгий, горестный период военных дней. Учитель Юрьё Бекман был еще жив после войны. Он жил со своим сыном Адольфом Бекманом в Питкярантском районе в Карелии. Там его путь закончился.

Пусть щебечут птицы на его могиле те мелодии, которым учил он нас. Пусть расцветают, цветут красивые цветы Карелии и шумят ели, как тогда – в его юбилей.»

Л.-Е.Александрова

КОПОРСКИЙ ЧАЙ

По водски копорский чай, как и само растение, из которого его изготавливают – иван-чай имеет другое название – *igvieinä* ("лосиное сено"). Уже в 12 веке в Московском Кремле была палата Огородной слободы, в которой сушили и хранили запасы лекарственных трав для изготовления различных напитков, в том числе и из иван-чая.

Когда в первой половине 18 века китайский чай попал в Россию, он был очень дорог и из листьев иван-чая стали готовить напиток, напоминающий по вкусу и окраске натуральный чай (благодаря проведенной ферментации). Больше всего такого чая заготавливали в селении Копорье под Петербургом. Потому и стали называть напиток, а позже и сам иван-чай, копорским чаем. Он активно использовался в России, а позже стал важной составляющей и российского экспорта. Его отправляли морем в Англию и другие страны Европы. За границей копорский чай называли русским чаем, он был известен по своим вкусовым и целебным качествам.

Уже в 19 веке он составил мощную конкуренцию индийскому чаю. Великобритания, владеющая огромными чайными колониями в Индии, покупала ежегодно десятки тысяч пудов копорского чая. Это стало подрывать финансовое могущество Ост-Индийской компании, торговавшей индийским чаем. Корпорация раздула скандал, заявив, что русские перетирают чай белой глиной, а она, якобы, вредна для здоровья. Вследствие этого торговля с Англией прекратилась, а Копорье разорилось. Но традиция изготовления копорского чая не умерла.

Еще совсем недавно в д. Лужицы Ольга Николаевна Скорых (Матвеева) каждый год заготавливала "копорский чай". Технология приготовления знаменитого копорского чая напоминает производство обычного натурального чая. Нужно собрать листья иван-чая в начале цветения (оптимальный срок – июль-август) и рассыпать в тени на чистой бумаге или ткани слоем 5 см. В течение суток листья должны подсохнуть и завялиться (подвянуть).

Для ферментации листья нужно скручивать между ладонями

так, чтобы из них сформировать небольшие рулетики. Рулетики катать на ладонях до тех пор, пока они не потемнеют и не начнут давать сок. Хотя для ускорения процесса можно просто пропустить листья через мясорубку, как делала Ольга Николаевна Скорых. После этого их нужно сложить слоем не толще 5 см в теплое место на 6-12 часов (можно укрыть влажной тканью). Убедиться в том, что чай созрел, можно по изменению травянистого запаха на насыщенный цветочно-фруктовый.

После ферментации нужно приступить к сушке. Раньше сушку копорского чая проводили в русской печи в глиняных горшках. В наше время сушить его можно и в обычной духовке газовой плиты при температуре 100 градусов около часа, постоянно перемешивая. Если его пересушить, то может появиться примесь запаха сухой бумаги. Хорошо просушенный чай имеет цвет настоящего черного чая, но с более насыщенным и крепким ароматом, чайники ломаются, но не рассыпаются в труху. Когда этой кондиции достигнет основ-

ная масса чая, приготовление его можно считать завершенным.

Хранить его нужно в темном месте. Наилучший вкус копорский чай приобретает только через месяц хранения. Копорский чай обладает успокаивающим действием, поскольку в нем нет кофеина, зато содержит целый комплекс целебных веществ, а также обладает противовоспалительными свойствами.

Екатерина Николаева

ЗАБЫТЫЙ ПУТЬ К ЦВЕТКУ ПАПОРТНИКА

Наверное, многие из нас задумываются, в чем причина того, что современный мир полон дисгармонией, почему большинство людей живут второпях, не понимая причин своих неудач. Жизнь распадается на фрагменты, мы тратим немало энергии, чтобы связать в единую картину мира отдельные объекты, события, но, так или иначе, все это остается лишь набором несогласующихся между собою элементов. Что же произошло? Что мы растеряли за века? Ответ прост – мы рассинхронизировались с ритмами Вселенной, наша картина мира полна "пустыми", не генерирующими энергию объектами, а значит она – иллюзорна.

Наши предки строили свою судьбу совсем по-другому. Будучи людьми Солярной Традиции, они осознавали важность ритма движения Солнца и согласовали всю свою жизнь, работу и праздники с этим ритмом. В году есть несколько важных праздников, связанных с движением Солнца, и сейчас мы приближаемся к очень важной точке годового круга, когда в июне месяце, в его третьей части, солнце достигает наивысшей точки, наступает очень важный астрономически момент Летнего Солнцестояния. Выше этой точки Солнце не поднимается.

В древности деление на время света и время тьмы было предельно четким. Солнце правильно осознавалось живым существом, дарующим и нам жизнь. Поэтому

люди вступали с ним в прямое соприкосновение, в прямую синхронизацию. Если мы всматриваемся в смыслы, проявленные в его годовом движении, мы расшифровываем для себя вечную традицию наших предков, даже если нас этому не учили, даже если мы этого не знали. Достаточно начать соотносить, синхронизировать свою жизнь с ритмами Солнца, как те знания, которые когда-то были даны людям, оживают, и люди обретают силу.

Один из важных смыслов этого древнего праздника – мистическое соединение с верхним миром, с предками. В это время происходит переход всех стихий в новый цикл, преобразование сил природы, которое тоже прямо зависит от Солнца и связано с этим днем. Особой силой обладают и вода, и травы, и, вообще, все стихии. В природе, в мире, в нас происходит нечто особенное. В этом наше соединение с ритмами, которые намного более значимы, чем наша собственная жизнь.

Этот праздник не просто увеселение в хорошую погоду на природе, этот праздник – повод осознать себя на том же месте, где стоят наши предки, это "внутреннее место силы", которое дается нам в особые дни года. Это осознавалось людьми всегда, и в этом есть преемственность поколений.

Каковы же были глубинные смыслы этого праздника? Самая главная мистерия праздника, кото-

рый наши предки называли Укон Юхла – это соединение стихий Огня и Воды, стихий, несовместимых по своей сути. Именно совмещение несовместимого, возможность невозможного, приоткрытие на небольшое время границы миров – это и есть душа праздника. Прекраснейший символ возможности чуда – цветущий в эту ночь папортник. Папортник цветет лишь одно мгновение – но разве для чуда время важно? Оно существует вне нашего описания мира, проникает в него через приоткрывшуюся в эту волшебную ночь грань.

В эту ночь особым образом творилась судьба мужчины и женщины. Соединение Солнца и Луны, Огня и Воды, символика этого времени позволяет гармонизировать семьи и создавать новые союзы, планировать совместную жизнь и гадать на суженного. Природа – река, луна, травы, роса – говорит с нами своими вечными символами.

В это время человек очищается стихиями Огня и Воды. В костре можно сжечь вещи, которые олицетворяют нашу внутреннюю усталость. А сбор росы, которая в эту ночь считается чудодейственной, дает нам здоровье, жизненную силу и молодость – это настоящая живая вода!

Поиски цветка папортника в эту ночь означают прикосновение к Тайне. Обычно люди уверены в том, что как их самые ужасные страхи, так и прекрасные меч-

тания – это просто фантазии, не обладающие никакой связью с реальностью. Но как только нарушается по какой-то причине рутинный ход событий, как только пошатнется привычное существование, как только человек ощущает давление неизвестного в своей судьбе, так точно так же, как и в древние времена, он инстинктивно чувствует, что разум и логика сдают свои позиции. В наше сознание проникает голос Тайны. Тайну нельзя разгадать, но ее можно осознать. Мы живем в мире, где люди способны творить чудеса, невозможные с общепринятой точки зрения действия. А для того, чтобы творить, надо даже и не поверить, а лишь всерьез допустить возможность чуда! Именно в этом и заключается смысл поисков цветка папортника в эту ночь – допустить возможность чуда, раскрыться силам, поддерживающим гармонию мира.

Наши предки отнюдь не были темными, необразованными людьми, полными предрассудков. Они понимали гораздо больше нас о силах, балансирующих мироздание, о роли человека и о точках опоры, необходимых человеку для гармоничного сосуществования с природой.

Желаю всем в это необыкновенное время почувствовать свое единство с природными силами, стихиями и нашими предками!

Мария Кохан (Укконен)

ЖЕНЩИНЕ-МАТЕРИ

Я преклоняю голову перед защитниками Родины – героями сражений за независимость родной земли. Наши воины проявили небывалое мужество и героизм в боях. У многих до сих пор на теле имеются следы от ран, сидят в теле осколки.

Но еще ниже я склоняю голову перед Женщиной, перед Матерью – она спасла меня, тебя и многих других. Ее героизм и мужество не меньше солдатского – солдаты были одеты, обуты, они чувствовали локоть товарища, у них было оружие – они могли ответить врагу.

А Мать одна шла через все тяготы военного лихолетья, «держала, как икону, детей на груди...». Это она молилась на них, своим

телом заслоняла от врага своих, а часто и чужих детей. У детей не было еды, и мать ничем не могла помочь. У матерей от голода не было молока и грудничкам давали что попало, пережевывая и завернув полученное в тряпочку. И все же Мать сохранила нас!

Ран на материнском сердце не видно, но сколько их и какие это раны!

Надо быть матерью, чтобы понять всю боль и ужас, наблюдая как ее раненное во время бомбежки дитя гибнет на руках, слышать последние его слова: «Мама, за что меня убили?». И уехать вместе с эшеленом, оставив завернутый в тряпке труп ребенка на насыпи... Послевоенные поиски могилы не дали результатов...

Надо быть матерью, чтобы почувствовать всю боль от вести, как погиб от голодного истощения ее ребенок. Несмотря на то, что в блокадном Ленинграде прибавили нормы питания, он уже не смог проглотить кусочек шоколада...

Надо быть матерью, чтобы почувствовать весь ужас от содеянного – она считала, что сама отравила сына на погибель, отпустив 12-летнего сына в Ленинград к отцу. То был последний поезд – немцы захватили район железной дороги! «С любимыми не расставайтесь!...»

Надо быть матерью, чтобы в сотый раз лить слезы над дневником сына, где он страдающий от голода, беспокоился о ее судьбе и судьбе младшего братика и обещал

впредь быть послушным и прилежным. И она перед смертью попросила положить этот дневник могилу с ней.

И что чувствовала в последние свои минуты мать, истекающая кровью от раны, шепча: «Что будет с дочкой?». Она знала, что муж и старшая дочь погибли мгновением раньше. Осталась в живых младшая, семилетняя дочь...

Это только несколько слов о Матерях, несколько мгновений их жизни.

Я прошу вас склонить голову перед всеми Женщинами - Матерями, которых коснулось колесо войны.

P.S. Эти слова о наших матерях и наших семьях.

В. Вязенен

ВОЙНА И МИР РАДИСТА ГЮННИНЕНА

90-летний юбилей отметил в октябре 2011 года Эдуард Матвеевич Гюннинен, ветеран Великой Отечественной, кавалер орденов Боевого Красного знамени и Отечественной войны. Отдав семь лет армии, он закончил университет, стал доцентом факультета, автором научных работ по радиофизике. Однако не только науке отдана его жизнь. Выйдя в 1998 году на пенсию, ветеран написал книгу, посвященную родной деревне. Во многих изданиях в разные годы публиковались его стихи. А квартиру ветерана украшают прекрасные пейзажи, высоко оцененные многими профессионалами. Однако художник не спешит представлять свои работы на суд публики, предпочитая рисовать для души.

Деревня Гумолосары

Эдуард Матвеевич Гюннинен (Edvard Hynninen) родился 5 октября 1921 года в деревне Гумолосары (Humalasaari), около Павловска. Деревня эта есть и сейчас, но там нет ни довоенных жителей, ни их потомков. Эдуард Гюннинен рассказывает о своей деревне:

«Наша деревня Гумолосары возникла не так давно, где-то в середине 1800-х годов. Мой дед по отцу, Пётр Андреевич, рассказывал, что пришли четыре брата, среди них и его отец – то есть мой прадед. Потом построили дома их дети. Первоначально все жители деревни были родственники, деревня одной семьи. Нашу деревню так и называли – Hynnisi (по нашей фамилии). С постройкой железной дороги – это я так думаю – в деревне появились русские. Они стали строить двухэтажные дома. Все русские дома были со стороны железной дороги; этот угол мы называли Alamäki. Русские не были земледельцы, они работали в городе; у них и земли не было, только огороды. А финны были землепашцы, у финнов была земля. С началом коллективизации финнов объединили в колхоз. Русские в этот колхоз не входили.

Наш дед Пётр Андреевич был первый кандидат в кулаки. К счастью, председатель сельсовета был толковый человек, защитил деда (он умер между 1933 и 37 годом, ему было 72 или 73 года).

Мой дед по матери, Степан Степанович Исаев (Häyhänen) из деревни Кискисары (Kaskisaari) был раскулачен. У него был большой дом, он торговал сеном.

Наш дом (Perätupa) был тоже большой, двухэтажный, самый красивый дом в деревне. Сейчас этого дома нет – пропал в войну. Не осталось и фотографии, есть только рисунок, сделанный по памяти».

Три класса сельской школы на финском языке, десятилетка в Павловске, оконченная с отличием. Сегодня он радуется тому, что возрождается церковь, хотя верующим себя не считает, относится к религии философски. И яркие воспоминания детства связаны с лютеранской церковью прихода Venjoki, расположенной в поселке Пязелево, неподалеку от Павловска. Сейчас в стенах старого храма находится лаборатория ВИР. А тогда прихожане собирались в 10 часов, хотя колокола звали к молитве только в полдень. Здесь, в церкви, люди встречались, сообщали о свадьбе, рождении ребенка, вразумляли вступивших на пагубный путь. А детей больше всего манила возможность проскочить на колокольню, откуда открывался прекрасный вид на окрестные поля и деревни.

«Наверное, пастор специально оставлял незапертой дверь на колокольню, чтобы мы, дети, приходили в храм», – улыбается Эдуард Матвеевич. Однако в 1938 церковь закрыли; пастор Пекка Бракс был арестован и погиб как христианский мученик...

«С детства я увлекался рисованием, и родители мои поддерживали это увлечение, покупали краски, бумагу. В школе у нас был хороший учитель рисования. Многие школьники рисовали кое-как, а я старался научиться, освоить что-то новое. Помню, как в восьмом классе старательно вырисовывал череп, специально принесенный учителем рисования из кабинета анатомии», – рассказывает Эдуард Матвеевич. После школы он пришёл поступать в Академию художеств. Однако декан факультета живописи, ознакомившись с работами, дал скептический отзыв, рекомендовав идти на подготовительный факультет. Тратить лишний год на подготовку не хотелось. У Эдуарда были

способности к точным наукам; он поступил в Университет на физический факультет.

Впоследствии он никогда не жалел о своём выборе. Но учиться пришлось недолго. Уже 17 ноября 1939 года его – с первого курса – призвали в Красную армию. После нескольких дней службы в Петрозаводске батальон связи перебросили в Ленинград. Там они узнали о том, что началась война с Финляндией.

«Финская народная армия»

В казармах около Финляндского вокзала их переодели в польскую военную форму, захваченную в Западной Белоруссии и Украине. Перед бойцами появились командиры и комиссар батальона, тоже одетые в эту форму, и объявили, что в Финляндии сформировано дружественное СССР Народное правительство под руководством Отто Куусинена. А личный состав батальона связи отныне входит в армию этого правительства – Финскую народную армию – то есть, должны были изображать финских повстанцев. Был сформирован Первый корпус этой армии, в состав которого входили две дивизии, размещенные на Карельском перешейке. Вначале в состав его набирали в основном ингерманландских финнов и карел, однако людей не хватало и вскоре стали брать всех – уже без учета национальности.

А батальон связи обслуживал штаб этой армии. «Помню, мне тогда впервые дали в руки винтовку, выдали 60 патронов. Наш взвод в составе 20 человек отправился в занятый Красной армией поселок Куоккала (ныне Репино), чтобы выбрать дома для размещения штаба, установить телефонные аппараты». Позднее штаб переместился за Терийоки (ныне Зеленогорск), в местечко Ривьера. Взвод, в котором служил Гюннинен, обслуживал коммутатор. Часть бойцов дежурила на коммутаторе, обслуживавшем около 60 номеров, другие «линейные осмотрички» проверяли исправность линий связи. Однако фронт ушел далеко, линии связи никто не портил, и осмотрички попросту бездельничали. В конце концов и их решено было привлечь к дежурствам на коммутаторе.

Командовал «народной армией» финский коммунист Аксели Анттила, как вспоминает Эдуард Гюннинен, человек несведущий в военном деле, да и вообще малообразованный.

Он звонил на коммутатор и проносил всегда одну и ту же фразу: «Масийну и пулеметсика». В нарушение правил, запрещавшим телефонистам общаться с абонентами, телефонист отвечал «есть» и звонил адъютанту батальона, который, в свою очередь, связывался с автомобилистами и охраной.

«Неподалеку от нас жили человек тридцать местных финнов, живших на хуторах и не успевших уйти из зоны военных действий. У них были коровы и мы меняли наши пайки на молоко. С ними у нас установились вполне дружеские отношения», вспоминает Эдуард Матвеевич.

Дороги войны

После окончания Зимней войны бывшую «армию Куусинена» преобразуют в 71-ю Стрелковую дивизию Красной Армии, которой предстоит внести немало славных страниц в историю Великой Отечественной. В краткий период между двумя войнами он заканчивает радиотехническую школу, становится старшим сержантом, командиром взвода радиосвязи при штабе дивизии. Пришлось ему быть и инструктором по лыжной подготовке, учить новобранцев ходьбе на лыжах. Многие ведь были призваны с Украины, Кубани, Кавказа.

«В войну мы вступили в первый день. Наши летние лагеря были в Карелии на самой границе с Финляндией. У противника на этом участке было значительное превосходство, но мы удерживали рубежи и отступали только по приказу», – рассказывает Эдуард Матвеевич. Потом дивизию перебросили на Волховский фронт прорывать блокаду Ленинграда. Эдуард Матвеевич вспоминает бои у «Круглой роши», где перед дивизией стояла задача прорвать укрепленную линию обороны врага. Дивизия участвовала в Курской битве, прошла всю Украину. «Штаб всегда находился в прифронтовой полосе, его обстреливала артиллерия противника, бомбила авиация. Два раза к штабу прорывались танки. Не по нашей вине – сосед отошел и не предупредил», – рассказывает Эдуард Матвеевич.

Не раз смерть была рядом.

«Мы быстро наступали, достигли Украины и прошли её всю. Но, хотя немецкая армия и отступала, у немцев было превосходство в воздухе, по Украине бродили немецкие танковые группы. В небе часто «дежурили» немецкие истребители – мессершмитты, и ездить днем было опасно. Штаб обычно переезжал ночью. Однажды переезд ночью почему-то не состоялся. Начальники штаба и связи утром посоветовались, что предпринять. Решили ехать. В первом автобусе поехали начальник штаба с оперативниками, во втором,

предназначенном для радиостанции РБМ и радистов, ехали начальник связи и я со своими радистами. Сидя у окна, я заметил, как рядом с автобусом вспыхнули пылевые фонтанчики. Потом раздался рев самолета. Мы поняли, что на нас пикировал и обстреливал немецкий истребитель. Мы остановились и вышли из машины, немецкий «мессер» шел на второй заход. То же самое сделал второй мессер со стоящим рядом штабным автобусом. Было много заходов, оба автобуса были сожжены. Имущество из автобуса мы успели вытащить, делая это между заходами истребителя на следующее пикирование. Другой немецкий самолет, небольшой биплан, уничтожил вторую машину, стоящую под деревом возле хутора, где находился штаб дивизии, бросил бомбу. Тот же биплан убил нашего повара, готовившего обед на полевой кухне».

Эдуард Матвеевич говорит, что были люди, воевавшие больше чем он. И только из воспоминаний его фронтового друга Флавия Шивкова, опубликованных в журнале «Карелия», я узнал о жестоком бое под Харьковом. Тогда бойцам взвода пришлось с боем прорываться к своим по открытой равнине под огнем немецких пулеметов, установленных на кургане. Через много лет Эдуард Гюннинен и Флавий Шивков вместе со своими фронтовыми друзьями приехали туда, чтобы встретить День Победы, постоять у братской могилы, и нашли тот страшный курган, с которого летела свинцовая смерть. Впрочем, об одном Эдуард Матвеевич говорит с гордостью – связь всегда работала отлично, радисты никогда не подводили командование. При этом он отмечает, что под его командованием работали прекрасные радисты, люди, хорошо знавшие технику, виртуозно работавшие на телеграфном ключе.

Потом была Польша, жестокие бои за Гдыню и Данциг. «В Польше погиб мой радист Храмцов и чудом уцелел я», – вспоминает Эдуард Гюннинен.

Войдя на территорию Германии, двигались вдоль побережья. Боёв почти не было. Навстречу шли группы безоружных немецких солдат и спрашивали, где можно сдать в плен. Под Ростком встретились с англичанами.

Возвращение

После окончания войны Эдуард Гюннинен ещё полгода служил в Германии. Он освоил разговорный немецкий и нередко выступал в качестве переводчика. Был он уже лейтенантом, кавалером ордена Боевого Красного Знамени, двух орденов Великой Отечественной войны второй степени. Предлагали службу в Берлине офицером связи. Жизнь за рубежом, отдельная квартира, неплохая зарплата. Подумав, Эдуард выбрал учебу, уволился из армии и вернулся в Ленинград.

Не было жилья – деревня перестала существовать, её жители были разбросаны по Эстонии и Карелии. Дорога домой была закрыта для финнов. Для фронтовиков делалось исключение.

«Немцы разрушили всю деревню, они делали блиндажи. Наш двухэтажный дом сгорел. В деревне осталось 4-5 домов, но

и они были непригодны для проживания», – рассказывает Эдуард Матвеевич.

«Поразительным было мое возвращение в Университет. Я пришел в деканат Физического факультета. У меня не было никаких документов, свидетельствующих о моей учебе в 1939 году. В деканате сидела секретарь Зинаида Константиновна Матвеева. Она предложила мне пройти в соседнюю комнату к декану. Им был Сергей Эдуардович Фриш. Он выслушал меня и сказал Зинаиде Константиновне: «Вот тут к нам пришел товарищ (он назвал мою фамилию), так посмотрите, пожалуйста, его карточку». Эта фраза «Посмотрите ЕГО карточку» меня ошеломила. Я отсутствовал семь лет и вдруг «моя карточка», – вспоминает Эдуард Матвеевич. Карточка нашлась, вчерашний боевой офицер был восстановлен на первом курсе, получил место в общежитии и 1 сентября 1945 года приступил к учебе.

Во время каникул приходилось работать. На лето Эдуард уезжал в Эстонию, в Тарту, где жила его сестра Герта. Он освоил искусство фотографии, ездил на велосипеде по деревням и фотографировал эстонских колхозников, их родных и близких, печатал фотографии. Зарботки были достаточно высокими. Помогал деньгами и сестре, у которой зарплата была невелика – она работала в метеорологической службе.

Потом были десятилетия, отдаленные радиопрофизике, многочисленные опубликованные работы, лекции, работа доцентом кафедры.

С 1946 года жизнь Эдуарда Гюннинена связана с физическим факультетом Ленинградского Университета. По окончании университета он остался при факультете, учился в аспирантуре, защитил диссертацию. С 1964 года – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры радиопрофизики. Работал до 1998 года.

О работе по специальности Эдуард Матвеевич говорит скупой: «изучали вопросы физики радиоволн». Это было время технического соревнования СССР и США, работы учёных носили прикладной (военный) характер. На протяжении ряда лет Э. М. Гюннинен – ответственный редактор научного сборника кафедры радиопрофизики физического факультета ЛГУ (с 1991 года – СПбГУ).

Последний ветеран 71-й стрелковой

Каждый год в День Победы ветераны 71-й Стрелковой дивизии собирались на Марсовом поле. После войны в Ленинграде жили 82 воина этой дивизии. Эти встречи всегда снимало петрозаводское телевидение – боевой путь был связан с Карелией, да и служило в части очень много уроженцев республики. В республиканских СМИ дивизию и сейчас называют «своей», «родной», «карельской».

Но с каждым годом все меньше людей приходило к Вечному огню. И однажды, вспоминает Эдуард Матвеевич, пришел всего один человек. Еще двое позвонили по телефону, сообщив, что не смогут прийти. А через год пришли только две вдовы... Сейчас Эдуард Гюннинен – единственный ветеран 71-й дивизии, живущий в Санкт-Петербурге.

В 1998 году Эдуард Матвеевич вышел на пенсию, однако скучать он не привык. В 1990-х годах он создал книгу о родной деревне Гумолосары. Рукописная книга написана на ингерманландском финском языке, и украшена акварельными иллюстрациями автора на каждой странице. Эта книга существует в единственном экземпляре (фрагменты из неё публиковались в журнале Carelia).

Эдуард Матвеевич трепетно относится к своему родному «местному» финскому языку. Разговорный язык лучше передаёт чувство, настроение, ход мысли; по мнению Эдуарда Матвеевича, он вполне может быть языком литературных текстов. На протяжении ряда лет (в основном, в 1993–1997 годах) Эдуард Матвеевич публиковал юморески на диалектном финском языке в литературно-художественном журнале Carelia.

Эдуард Матвеевич не жалуется на возраст; он рисует, пишет стихи. И сегодня, в 67-ю годовщину Победы в Великой Отечественной войне, пожелаем Эдуарду Матвеевичу здоровья, долгих лет жизни и новых творческих успехов!

Беседовал **Андрей Пюккенен**

В подготовке этого материала участвовал

А. Крюков

Северная Ингрия в Интернете

Житель Всеволожска программист Валерий Ферман создал один из самых интересных и информативных Интернет-ресурсов, посвященных ингерманландским финнам. На сайте представлены материалы, посвященные прошлому Всеволожского района – фотографии школ, церквей, семейные фотографии по финским деревням.

Валерий Ферман также активный участник российского сегмента Википедии – всемирной Интернет-энциклопедии.

О своей семье и своих проектах рассказывает Валерий Ферман.

Мои предки по отцовской линии из прихода Шпаньково. Многие из них похоронены у стен церкви, руины которой мы можем видеть и сейчас. А со стороны мамы предки из Токсова. Очевидно, среди предков были шведы. В деревне Малые Борницы, из которой мои предки, почти все фамилии шведские: Ферманы, Криманы, Борманы (из ингерманландских — Яскеляйнены, соседи).* Деревня эта находится неподалеку от церкви, величественные руины которой стоят можно видеть и ныне. У самой стены кирпичи – могила моей бабушки.

Мой родственник, который живет в Миккели, занимался архивными поисками и выяснил, что наш далекий предок – канонир шведской армии Эрик Ферман. Но шведы – это очень дальние предки, а так со стороны отца у нас все финны, как и все жители деревни.**

Во время войны бабушку Елизавету с дедушкой Адамом угнали в Эстонию, они были в концлагере Клоога. Как и многих ингерманландских финнов, их эвакуировали в Финляндию. После возвращения – Ярославская и Новгородская области, путь домой был закрыт. Потом сами перебрались в Эстонию. Только в 1953 году пришла похоронка на старшего сына Ивана, который был призван в Красную армию. Это послужило своего рода индульгенцией для семьи, им разрешили вернуться в родную деревню и даже возвратиться свой дом.

С финнами, с Ингерманландией связаны и корни моей мамы. Моя прабабушка была сиротой и воспитывалась в финской семье в Токсово. А фамилия её была Литке, вероятно, она была немкой. В 15 лет на несколько лет её забрали какие-то родственники и поместили в Институт благородных девиц, но не воспитанницей, а горничной. Однако каким-то образом она смогла там получить прекрасное образование. И потом она смогла дать домашнее образование своему сыну, которое позволило ему успешно сдать выпускные экзамены и поступить в институт, ни дня не посещая школу. Так вот, прабабушка вышла замуж за офицера, раненого во время Первой мировой, владевшего небольшим хутором под Всеволожском. Когда после революции их начали притеснять местные активисты, она сумела пробиться к Ленину и получить подписанную им охранную грамоту, увидев которую местные большевики обходили их дом за километр. Не трогали и во время коллективизации, и даже при Сталине, несмотря на офицерское прошлое прадеда. Отец, Виктор Ферман, закончил техникум, женился и поселился во Всеволожске. Там тогда давали жильё. Он прошел путь от электрика до начальника железнодорожной силовой подстанции. Там я родился в 1960 году и вся моя жизнь связана со Всеволожском.

Я окончил в 1983 году Ленинградский кораблестроительный институт, работал в ЦНИИ им. Крылова. Потом началась

перестройка, конверсия, развал многих предприятий и научных учреждений. Я создал небольшую фирму, торговал компьютерами. После бесчисленных столкновений с бандитами бизнес пришлось прекратить. Потом работал в различных организациях программистом, системным администратором, веб-дизайнером, ремонтировал компьютеры. Сейчас работаю системным администратором в организации с длинным названием: Автономное муниципальное учреждение «Многофункциональный центр» муниципального образования «Всеволожский муниципальный район» Ленинградской области. Сокращённо АМУ «МФЦ» ВМР.

Женат, сыну уже 20 лет.

Когда вы начали интересоваться финскими корнями, ингерманландской историей?

Интересовался всегда, но долгое время не было возможности изучать литературу, работать с архивами. Отец на эту тему почти не говорил. Он переехал и Клоогу, и послевоенные скитания. Но когда я приезжал к бабушке в Малые Борницы – там все говорили по-фински. Сейчас в деревне не осталось ни одного финна, кто-то уехал в Финляндию, кто-то – в Гатчину. И вообще постоянных жителей нет – дома купили горожане, которые приезжают летом.

После того, как родственники (двоюродная сестра с двумя детьми, тётя и два двоюродных брата) переехали в Финляндию, они стали мне пересылать архивные документы, книги. У меня оказалось много фотографий, связанных с историей Всеволожского района – Северной Ингерманландией. Я решил разместить их в Интернете с комментариями на русском языке. Так в 2001 году появился сайт vsevinfo.ru. Там есть информация и по деревням Всеволожского района, и по местным фамилиям.

Вы активный участник Википедии, автор многих статей, посвященных ингерманландской тематике. Расскажите, пожалуйста, об этом глобаль-

ном Интернет-проекте. Кого приглашают писать статьи в «Вики», кто принимает окончательные решения о том, оставить или удалить тот или иной материал?

Википедию иногда называют частью «мирового разума». Разместить там статью на ту или иную тему может каждый. Однако действуют достаточно жесткие требования к значимости и достоверности материала. Так, например, размещенные материалы должны ссылаться только на публикации в авторитетных источниках. И нельзя размещать материал, основанный на собственных исследованиях, так как работа в Википедии основана на обобщении вторичных источников.

После определенного количества полезных правок, участник получает возможность загружать файлы и право подтверждать правильность редактирования своих материалов и правок, сделанных другими участниками, голосовать в обсуждениях за или против определённых решений. Решения об удалении той или иной статьи принимаются после длительного обсуждения материала на основе консенсуса.

Началось всё с того, что я обнаружил в Википедии множество ляпов в статьях о деревнях Всеволожского района. Я их редактировал, писал свои статьи. И сейчас размещаю статьи о бывших финских деревнях.

Беседовал Андрей Пюккенен

* Видимо, эта информация относится к послевоенному времени. До войны в деревне Малые Борницы не было ни Борманов, ни Криманов, ни Яскеляйненов (примечание А. Крюкова).

** Большую часть населения деревни Малые Борницы (Vilhos) до войны составляли православные ижоры, называвшие себя venäläiset (= русские); сохранилась память о том, что Ферманы перешли в Малые Борницы из находившейся неподалёку деревни Лорвила, уничтоженной ещё до отмены крепостного права (примечание А. Крюкова).

НИЕНШАНЦ: МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

Юбилей этот прошел почти незаметно. В минувшем 2011 году отмечали 400 лет со дня основания крепости Ниеншанц и города Ниен. Шведский город, построенный в устье Охты, стал своего рода предшественником блистательного Санкт-Петербурга. Как и будущая столица Российской империи, он был неразрывно связан с мореплаванием и морской торговлей, тоже был с самого своего основания многонациональным – жители его говорили на четырех языках.

А среди его жителей были люди, оставивший след в европейской культуре, науке, истории. Один из них – шведский ученый, поэт и филолог Урбан Йерне. В 2011 году исполнилось 370 лет со дня его рождения. Двум историческим датам посвящена была историко-культурная конференция, прошедшая 17 декабря в Доме молодежи Василеостровского района.

Участников конференции, прошедшей в зале Дома молодежи Василеостровского района, приветствовал генеральный консул Швеции Ян Нюберг. Конференция началась с посещения выставки,

расположенной этажом выше. Об археологических находках, сделанных на месте крепости Ниеншанц, рассказал известный археолог Петр Сорокин, руководивший раскопками на Охтинском мысу. Ядра, осколки глиняной и фарфоровой посуды, курительные трубки, гарда от шпаги...

На стене – цветной плакат с проектом археологического музея. Восстановленные стены и валы, павильоны из стекла и бетона, возведенные над раскопами, открывающие перед посетителем все исторические слои.

Напомним, что Охтинский мыс – не только шведская крепость Ниеншанц. Во время раскопок на месте бывшей крепости были найдены следы неолитических поселений, возраст которых составляет около пяти тысяч лет.

А в 1300 году высадившиеся здесь шведы под командованием регента Торкеля Кнутсона возвели огромную деревянно-земляную крепость Ландскрона, через год взятую штурмом и разрушенную новгородцами. Деревянное основание башни, поврежденное огнем, хорошо сохранилось и было исследовано археологами.

После разрушения Ландскроны в устье Охты существовали новгородские поселения – Ахкуя, Кулза, Корабленица, Минкино, сельцо на устье Охты. В XVII веке здесь возник шведский город Ниен.

Доктор исторических наук профессор Анатолий Кирпичников отметил, что задача общественности – обратить внимание властей на богатство, которым они обладают. Археолог обратил внимание на то, что в Швеции не сохрани-

лось ни одного крупного фортификационного сооружения времен Ландскроны. Археолог отметил, что Ландскрона является памятником истории не только России и Швеции, но и...Италии – ведь проектировали крепость итальянские фортификаторы!

Убежденный защитник Охтинского мыса, Анатолий Кирпичников считает, что территория мыса должна быть выкуплена у владельца и передана городу.

У нас будет не хуже!

О проектах музейной зоны на Охтинском мысу рассказала Наталья Введенская – искусствовед, координатор движения «Башне нет», известного петербуржца своей бескомпромиссной борьбой против строительства на Охтинском мысу небоскреба «Охта-центра».

Участникам были представлены проекты будущего музея, среди которых преобладали различные варианты ландшафтного парка, обрамленного по контуру восстановленными валами и бастиянами. В красочном проспекте были приведены фотографии древних земляных крепостей в различных странах мира, восстановленных и превращенных в музеи под открытым небом. Такова, к примеру, крепость Кастеллет в Копенгагене, крепость Буртанж в Голландии, крепость Горёкаку в Японии. Зарубежный опыт нашел отражение в оригинальном дипломном проекте Елены Мельниковой. «У нас будет не хуже!» – уверяют авторы проекта, разместившие оптимистичный лозунг на обложке проспекта.

Между тем, ясности в вопросе о судьбе Охтинского мыса до сих пор нет. Участок по-прежнему принадлежит «Газпрому», руководство которого после отказа от строительства «газоскрёба» рассматривает планы строительства здесь элитного жилья и бизнес-центров.

Родом из Ниена

С городом Ниеном связана судьба одного из известнейших людей Швеции – химика, металлурга и общественного деятеля Урбана Йерне.

Урбан Йерне (Urban Hiärne) родился в 1641 году на терри-

Urban Hiärne

тории нынешнего Гатчинского района, его отец был пастором евангелическо-лютеранского прихода Скворицы. Вскоре семья переселяется в Ниен, где отец становится настоятелем шведско-финского прихода.

В своих мемуарах Урбан Йерне писал, что в городе и в школе, где он учился, говорили на четырех языках – шведском, русском, финском и немецком. После смерти отца он и его брат Туомас отправляются в Дерпт (ныне Тарту) на учебу в известный университет, однако обстоятельства заставляют их вернуться домой. В 1656-57 идет война между Россией и Швецией, войска под командованием князя Потемкина разрушили город и крепость. Семья Йерне успевает покинуть город, уехав на корабле в Нарву. В 1657 году Йерне навсегда покидает Ингерманландию, уехав в Швецию, где поступает в Уппсальский университет.

В 1660 году он увлекается химическими опытами, быстро завоевав известность. Возглавив королевскую лабораторию, Урбан Йерне занялся активной исследовательской деятельностью, заложив основы аналитической химии. Им были проведены исследования ряда минералов, руд, образцов почв и некоторых органических соединений.

В 1666-69 г.г. он изучает медицину в Риге, занимается врачебной практикой. Именно в результате записки, поданной им королю Карлу XI в Риге в 1675 году был основан Рижский королевский лицей, во времена Российской империи известный как Лицей Петра Великого. В эти годы Урбан Йерне получил известность как об-

НИЕНШАНЦ: МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ (продолжение)

шественный деятель и юрист, вызвавший возмущение процессами над «ведьмами», еще имевшим место в тогдашней Швеции. Здесь же, в Риге ждет его неразделенная любовь к некой Маргарете. Вернувшись в Стокгольм, он пишет пасторальный роман «Стратоника», действие которого происходит в древнегреческой провинции Анатолия, подвергшейся нападению персов. Исследователи его творчества его творчества считают, что в основу романа, действие которого перенесено в античные времена, лег личный жизненный опыт мыслителя – неразделенная любовь и разрушение в годы войны его родного Ниена. Своим соотечественникам Урбан Йерне известен в первую очередь как выдающийся металлург, геолог и химик. Имея разностороннее образование, он уже на склоне

лет увлекается филологией, внося значительный вклад в систематизацию шведской грамматики.

С блестящим докладом, посвященном Урбану Йерне, выступил шведский ученый Александр Пересветов-Мурат, доктор философии и старший научный сотрудник Шведской королевской академии. Он отметил, что Урбан Йерне в той или иной степени несомненно владел русским языком, звучавшим в Ниене и селе Спасском на противоположном берегу Невы. В сохранившемся письме к брату Туомасу, в шведский текст вкраплено русское слово «деньги», написанное латиницей. С деньгами, как и у многих талантливых людей, у Урбана Йерне были проблемы...

Предки докладчика – тоже из Ингерманландии и Ниеншанца. Его предки, русские дворяне, вла-

девшие землями в Водской пятине, остались здесь в шведский период и были причислены к шведскому рыцарству. Один из его предков был комендантом Ниеншанца в середине XVII века. Другой предок, полковник Карл Пересветов-Мурат, поэт и религиозный философ, в 1701 году был парламентаром во время переговоров о сдаче крепости русским войскам под командованием графа Шереметева. В дальнейшем он снова примет участие в сражениях Северной войны, проведет несколько лет в московском плену и вернется в Швецию. Память о шведских дворянах с русской фамилией хранят деревня Муратово в Гатчинском районе и речка Муратовка на Карельском перешейке неподалеку от Лемболова.

Профессор Пересветов-Мурат рассказал об одном интересном

эпизоде, связанном с Ниеном. В середине века во времена королевы Кристины здесь прошел первый и, очевидно единственный рыцарский турнир на берегах Невы. Одним из его победителей стал 18-летний Иоганн Апполов (Опольев), в будущем – последний комендант Ниеншанца, тоже потомок русских дворян, причисленных к шведскому рыцарству.

На конференции прозвучали лирические стихи Урбана Йерне, впервые переведенные на русский язык известным бардом и литературным переводчиком Екатериной Чевкиной.

Во время конференции прозвучали и многие другие интересные доклады, связанные с историей нашего края.

Андрей Пюккенен

ПИШЕМ КНИГУ ВМЕСТЕ

Идея создания «ингерманландской энциклопедии» витает в воздухе уже без малого 30 лет. В далёком теперь уже 1987 году в Койвукюля (Новотоксово) сёстры Лиза Нясси и Мария Кюльмясу и их невестка Эва Нясси, все родом из Верхних Никуляс, говорили мне о Лидии Галаховой, как об авторе «ингерманландской энциклопедии» (так они называли её диссертацию). С тех пор прошло много лет. Создан и действует союз ингерманландских финнов – Инкерин Литто. Сменилось целое поколение. Уже нет среди нас ни Л. Галаховой, ни многих наших товарищей. Идея «энциклопедии» однако осталась – и приобрела более определённые очертания.

В представлении многих людей такая книга существует – хотя в реальности она ещё не написана. Всем нам приходилось слышать, как бывшие – да и нынешние – жители Ингерманландии – с уважением говорили о своих деревенских, которые своими деяниями прославили себя и свою деревню. Это были очень разные люди – изобретатели, кругосветные путешественники, философы, лётчики и партизаны, сочинители стихов и романов, большевики и борцы с советской системой.

И вот – похоже, что дело создания «ингерманландской энциклопедии» сдвинулось с мёртвой точ-

ки. «Паровозом» написания книги выступило общество Inkerin Kulttuuriseura (Финляндия) в лице Пекки Викберга и Хелены Миеттинен. Понятно, что финляндским участникам проекта малодоступны источники на русском языке, а также и собственно сведения о многих ингерманландских финнах, никогда не живших в Финляндии. Большой удачей можно считать то, что в проекте участвует Юхо Муллонен – бывший председатель союза ингерманландских финнов Карелии.

Для того чтобы быть успешным, проект должен иметь понятную концепцию.

Попробуем её сформулировать.

1. Ингерманландия – прежде всего сельская местность. Говоря об Ингерманландии, нам придётся в основном исключить из неё Петербург, иначе за представителями Петербурга сельская Ингерманландия потеряется.

2. Персонажи будущей книги – люди, родившиеся в сельской Ингерманландии и (или) реально жившие здесь длительное время. То есть, «наши люди» – это «ингерманландцы по рождению» (Аале Тюнни, Эйно Карху) и «ингерманландцы по жизни» (Юхо Сааринен, Селим-Ялмар Лауриккала). Что касается представителей послевоенного поколения ингерманландских финнов, многие из которых не родились и никогда не жили в Ингерманландии, то им предлагается

участвовать в данном проекте в качестве авторов.

3. Говоря о выдающихся людях, мы предполагаем достаточно высокую планку. Примерный критерий – это кандидат наук, генерал, капитан корабля, министр, автор книги, герой войны, герой труда, изобретатель, композитор, путешественник, религиозный вождь, политик.

4. Согласно замыслу, книга будет посвящена в основном ингерманландским финнам. Вместе с тем, не будем забывать, что Ингерманландия всегда была интернациональной. В некоторых её уголках жили ижоры, водь, русские, эстонцы. У них был разный менталитет, но – почти одинаковый быт, одни и те же проблемы, сходные ценности. Представляется искусственным и неоправданным разделять жителей одной местности по национальности. Поэтому применительно к сельской Ингерманландии мы будем говорить и о русских, и об ижорах, и об эстонцах. Однако, поскольку число выдающихся людей Ингерманландии – представителей ижор, води, эстонцев и русских – было невелико, будущая книга будет по большей части о финнах.

5. Что касается представителей дворянства – ингерманландских помещиков – то в целом они остаются за пределами нашего интереса. Исключения могут быть сдела-

ны для отдельных лиц, активно и положительно проявивших себя в т. ч. в Ингерманландии (Николай Рерих).

6. Структура книги представляется подобной энциклопедическому словарю. Книга будет состоять из небольших глав (или статей), каждая из которых будет посвящена одному лицу. Форма изложения должна быть достаточно сжатой. Биографические данные (место и время рождения, жительства, смерти) имеют первостепенное значение. Желательна фотография.

7. Книга будет издана на финском языке. Авторские тексты на русском и других языках могут быть опубликованы в газете «Инкери» и в интернете, по согласованию с авторами. В дальнейшем будет рассмотрен вопрос об издании всей книги на русском языке.

8. Вопрос о денежном вознаграждении авторам пока не рассматривается. Так что работаем «за интерес».

Кому есть, о ком рассказать – пишите.

Адрес для связи в России:
197376 Санкт-Петербург,
ул. Профессора Попова, дом 4 А,
корпус 22, офис 303.
Издательский дом «Инкери».
Газета «Инкери».

А. Крюков. kauko@mail.ru

Hyö huastoit, a myö luaimmo

Rajalla heitä kysyttiin: ”mitä kieltä te puhutte?” He vastasivat: ”tuuli puhuu, a myö luaimmo suomee”. Tässä täytyy selittää, että Inkerissä ei puhuttu suomea, vaan *huastetii* tai *luatii*; samalla *puhhuu* tarkoittaa *puhaltaa*.

Tämä on *kotona paistettu* suomen kieli, joka on käytössä Inkerissä. Siinä on omaa sanastoa (lainoja sekä omaperäisiä sanoja), erikoisia grammattisia muotoja (*loi*-monikko, *laa*-imperatiivi, *käyvvä*- ja *noissa*-futurum y. m.); se sointuu toisin, kuin suomen kieli Suomesa. Se on leimattu murrekieleksi, vaikka itse asiassa se on tavallinen puhekieli. Tärkeää on se, että inkerinsuomalaiset nimittävät oman kielensä ”suomen kieleksi”.

Paikallinen suomen kieli ei tunne *murre*-sanaa; inkerinsuomalaisten mielestä, heidän kieli ei koskaan ollut *murrettu*, vaan se tunnettiin omana kielenä, omien ja kotikunnan tunnuksena, joka oli myös heidän omaa vanhaa perinnettä. Muita murteita, mikäli ne ovat hyvin erilaisia, Inkerissä pidettiin eri kieliksi.

Eri murteet vai eri kielet?

Tarkoittaako se, että Inkerin murteet saa lukea eri kieliksi? Inkerin suomalais- ja inkeroisurteiden sanasto ja rakenne ovat suuressa osassa yhteisiä; naapurikylien murteet olivat tavallisesti ymmärrettäviä keskenään. Inkerin kanta-asukkaat, niin suomalaiset kuin inkeroisetkin, silloin vain sanoivat naapurimurteita eri kieliksi, kun ne olivat heille *kehnosti* ymmärrettävä. Sellaisia olivat esim. Markkovan ja Suokylän suomalaismurteet, Kukkosin ja Pärspään inkeroisurteet. Näin Inkerissä tiedetään *markkovan kieli* eli Markkovan pitäjän suomalaismurre, *pärspään kieli* eli Pärspään kylän inkeroisurteet, *kukkosin kieli* eli Kukkosin kylän murre, *suokylän kieli* eli Suokylän suomalaismurre, jne. Murteita, jotka olivat helposti ymmärrettäviä, ei pidetty eri kielinä, vaan sanottiin näin, että *heil on suomen kiel toisenlaine ko meil*. Näin sanoivat toisistaan Pohjois-Inkerin ja Keski-Inkerin suomalaiset [TKT].

Kaakkoismurteista

Inkerin ja Kannaksen suomalaismurteet luetaan suomen kaakkoismurteisiin [Kettunen 1940]. Tämä tarkoittaa niiden maantie-

teellistä naapuruutta, että myös yhteistä alkuperää. Kaakkoismurteet ovat tosiasiassa läheisiä keskenään. Ja kuitenkin, niissä löytyy erilaisia piirteitä, joista toiset johtavat paikalliseen pohjaan, toiset lienevät ulkopuolisia vaikutuksia. Nykyinen yleisnimitys *suomen kieli* Karjalassa ja Inkerissä lienee verrattain uusi. Kielitutkijoiden mielestä kaakkoismurteet johtuvat toisesta muinaiskielestä, muinaiskarjalasta [Itkonen 1983:197].

Eri kielten tunnussanat

Eri murteet tunnetaan Inkerissä tunnussanoilta, *kuin kehno, kolt, kylänotsa, uhlu* jne. Verbit merkityksellä *puhua tätä kieltä* kuuluvat myös tunnussanastoon. Inkeroiset *läkkäät* (< läätä *puhua*); vatjalaiset *pajattavat* (< pajata *puhua*), venäläiset *govorjat* (*govorit'* *puhua*) [Muslimov 2005: 44]. Samantapaisia tunnusverbeja tunnetaan myös karjalaisilla, versäläisillä, virolaisilla y. m. Näin inkerinsuomalaisetkin toiset *luatiit* (< *laatia* *puhua*), toiset *huastoit* (< *haastaa* *puhua*), samalla toiset ja toiset pitävät omaa kieltä suomen kieleksi [TKT].

«Haastaa-kieli» ja sen alue

Inkerin tutkijat ja yleensä inkerinsuomalaiset voisivat todistaa, että on olemassa alue, jolla *haastaa* merkitsee, ennen muuta, ‘puhua omaa kieltä, puhua suomea’ (= paikallista suomen murretta). Nimittää tässä ehdollisesti suomen murteet, joissa *haastaa*-verbi käytetään (käytetään tässä merkityksessä, «haastaa-kieleksi») (ks kartta 1).

Tosiko «haastaa-kieli» on niin kaukaa muuasta suomen kielestä, jotta sitä saisi nimittää eri kieleksi? Inkerin «haastaa-kielen» kantajat kertoivat, että kun heidän oli pitinyt seurustella esim. suomen-suomalaisten kanssa, niin heidän oli pitinyt *siirtyä* toiselle kielelle (jos he sitä osasivat). Mutta eikö se ole samaa, kun eri tapauksissa puhutaan suomea eri tavoin, esim. kirjakieltä ja puhekieltä, tai slangia? Tekijän mielestä se ei ole sama kuin «haastaa-kielen» tapaus, koska puhekieli ja kirjakieli ovat kuitenkin läheisiä toisilleen; samalla slangit eivät ole varsinaisia kieliä, koska niiden sanasto on verrattain vähämääräinen; vaikea ja jopa mahdotonta olisi jutella

slangia vieraasta aiheesta. Samalla «haastaa-kieli» ja normatiivinen suomen kieli olivat täysinriittäviä kielit; molemmissa oli riittävästi sanastoa sekä grammattisia mahdollisuuksia.

Tekijän mielestä «haastaa-kieltä» saisi pitää eri kieleksi, niinkuin sitä *hiljasti* pitävät eri kieleksi sen kantajat. Todennäköisesti kaikki entiset Kannaksen asukkaat voisivat todistaa, että heidän äidinkieltensä oli toisenlainen, kuin se, jota he puhuvat nykyään. Suomen kirjakielen he tutustuivat koulussa; suomen kieltä, jota puhutaan muualla Suomessa, he oppivat evakossa.

Keijo Uuttu, kotoisin Uudenkirkon Inonkylästä (s.1934) kertoi tekijälle (2011), että hän *haastoi* äitinsä kanssa viime kerran 20 vuotta sitten, kunnes äiti oli elossa. Kertoja havaitsi, että hänen oli pitinyt siirtyä joka kerran toisesta kielestä toiseen. Viimeksi kertoja siirtyi toiselle kielelle ja takaisin niin helposti (automaattisesti), ettei hän itse sitä huomannut. Voidaan sanoa, että hän omaksui täysin yleisen suomen kielen, muttei siirtynyt siihen kokonaan, vaan säilytti myös oman kielen taidonsa.

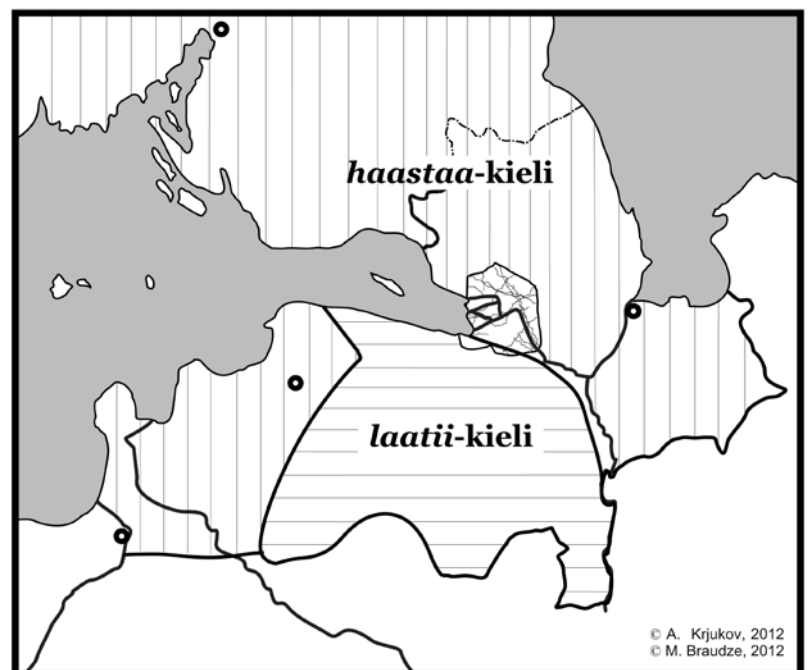
«Haastaa-kieli» ei ollut kaikkialla samanlainen, vaan se käsitti monet murteet, joista useat olivat hyvin kaukaa toisistaan (esim. Pohjois-Inkerin, Itä-Inkerin ja Länsi-Inkerin murteet).

Länsi-Inkerin suomalaismurteet muistuttavat paikallisia inkeroisurteita; joskus vaikea on määrittää, onko se suomen murre tai inkeroisurteet (esim. Kallivieren murre). Samalla Itä-Inkerin murteet ovat omalaatuisia; ne olivat kehnosti ymmärrettäviä toisille inkerinsuomalaisille (n.s. *markkovan kieli*). Entiset *markkovoiset* kertoivat tekijälle (2000), että sodan jälkeen he *huastoit* omaa kieltä näin, jottei saisi kuulla muut suomalaiset, pelättiin pilkkoja.

Huomattavaa on se, että «haastaa-kielen» levinneisyysalueelle kuuluvat Inkerin reuna-alueet (paitsi eteläraja). Näyttää siltä, että «haastaa-kielen» alue ympäröi «laatii-kielen» aluetta.

Kun käännyimme inkerinsuomalaisten jakoon äyrämöisiin ja savakkoihin, niin löydään, että «haastaa-kielen» alueella on sekä äyrämöisten että savakkojen kylät ja pitäjät. Toisin sanoen, «haastaa-kielen» alue ei kuulu äyrämöisiin eikä savakkoihin.

Todennäköisesti «haastaa-kielen» alue kuuluu – osaksi tai kokonaan – kaakkoismurteiden alueelle, joka itse asiassa on Etelä-Karjala. Näyttää siltä, että *haastaa* ‘puhua omaa kieltä, puhua suomea’ on ollut kaakkoismurteiden tunnussana [Virtaranta 1982: 226]. Voidaan arvela että «haastaa-kieli» on joskus tullut yleiseksi kieleksi Viipurin Karjalassa.

Kartta 1. «Haastaa-kielen» ja «laatii-kielen» alueet Inkerissä ja Kannaksella 1900-luvulla. Inkeroisurteiden ja vatjan alueet eivät ole merkitty.

Haastaa-sanan juuret

Nykyisessä suomen kielessä käytetään yleisesti *haastaa*-verbi. Käsitellään tässä, mitä se merkitsee nykyisessä suomen kielessä:

haastaa v. 1. antaa haaste. **a.** kutsua velvoittaen t. vaatien kilpailemaan kanssansa. | Haastaa kilpailuun, kilpasille, kilpailemaan. Haastaa viestinhiihtoon, pesäpallo-otteluun. Haastaa miekkasille, kaksintaisteluun. Puolue haastoi vastustajansa väittelyyn. **b.** vars. *lak.* kutsua vastaajaksi, todistajaksi tms. oikeuteen, manata. | Haastaa käräjiin. Haastaa oikeuteen kunnianloukkauksesta. Haastaa todistajaksi. Oikeuden nimessä haastan teidät vastaamaan rikoksesta. [...] **2.** *murt.* pyytää saapumaan, tulemaan; kutsua. | Haastaa jku häihin, illalliselle. Minut haastettiin ristiäisiin. Haastoin miehiä tulemaan meille. **3.** Koettaa synnyttää riitaa tms., hankkia, rakentaa. | Haastaa riitaa, toraa, tappelua. Haastaa vihamielisyyttä. [...] **4.** *kans.* t. *ylät.* puhua, sanoa; vars. kertoa, jutustaa, jaaritella, pakista. | Olla sanaakaan haastamatta. Ukko haastoi verkalleen, Älä haasta mahdollomia! Minä haastan oikeaa asiaa. Ville haastoi asioistaan. Tuvassa haastettiin väkirehun ostosta. Haastanpa vain, mitä kylällä olen kuullut. Joka härillä ajaa, se häristä haastaa (Sananlasku). [...] [NSS 1. 1966].

Suomen kielessä on myös *haastaa*-verbista johdetut verbit (*haastatella, haastattaa, haastella*), jotka esiintyvät myös inkerinsuomen murteissa [Ollikainen 2003: 51]. Näiden verbien merkitykset ovat läheisiä toisilleen; osaksi ne käyvät yhteen (merkityksissä *jutella, kertoa, puhua*). [NSS 1. 1966]. *Haastaa*-verbi on pesän varma kantasana, mutta senkin merkitykset voivat muuttua. Elävä kieli on aina muuttuvassa, se kehittyy; ajan kuluessa entisillä sanoilla voivat syntyä uudet merkitykset. Nykyiset katsomukset kysymykseen, mikä on ollut *haasta*-verbin alkuperäinen merkitys, esittää Suomen Sanojen Alkuperä:

haastaa (Agr; laajalti murt.) 'puhua, kutsua; vaatia; manata käräjiin; uhmata, uhata, torua< kieltää; kerskua [...], *haaste, haasto* 'uhkaus', *haastella, haastatella*, ink. *haastaa* 'puhua, jutella' | *ka haastoa* 'haas-

taa, puhua, jutella; kyteä, hehkua', *hoassattoa* 'kyteä, hehkua' | vi murt. (Hiidenmaa) *aasta-* 'opettaa, varoittaa' [...] [SSA 1. 2001]

Siis *haastaa*-verbi tunnetaan suomen-, karjalan- ja inkeroisurteissa, juuri läheisissä merkityksissä. Tästä oletus, että *haastaa*-verbi on kantasana suomen kielessä ja lähisukukielissä.

«Laatii-kieli» ja sen alue

Inkerin suomalaismurteissa *laatia*-verbi sai muotoja *laatii, loatii, luatii* [TKT]. Inkerinsuomen murteet, joissa *laatia* merkitsee 'puhua suomeksi, puhua omaa kieltä' (= paikallista suomen kielen murretta), nimitetään tässä ehdollisesti «laatii-kieliksi». Sen levinneisyysalue (ks karttaa 2) on kokonaan Keski-Inkerissä, Pietarista etelään. Sen alueen rajat ovat selvät; «laatii-kielen» aluetta erottavat haastaa-kielen alueelta inkeroisten ja venäläisten asuttamat paikkakunnat: luoteisesta Harjavalta ja Hevaa, pohjoisesta Pietari ja Neva, idästä Tosnan laakso. «Laatii-kielen» alueelle kuuluvat entiset väkirkkaimmat Inkerin seurakunnat: Tyrö ja Serepetta, Ropsu ja Skuuritsa, Tuutari ja Hietämäki, Venjoki ja Inkeri, Koprina ja Liissilä, Kolppana ja Spankkova, Kupanitsa ja Moloskovitsa. Se on koko Keski-Inkeri ja samalla suurin osa Inkeriä.

«Laatii-kielen» alue ei vasta jakoon äyrämöisiin ja savakkoihin. Samalla kun Pohjois-Inkerissä sekä savakot että äyrämöiset *huastoit suomeks*, niin Keski-Inkerissä äyrämöiset ja savakot *luatii suomee*.

«Laatii-kielen» alue, joka ei kuulu äyrämöisiin eikä savakkoihin, voisi olla yhteydessä Keski-Inkerin entiseen väestöön ja sen kieleen (muinaisinkeriin?). Keski-Inkerin läntisissä pitäjissä asui jo 1900-luvulla iso määrä suomalaistuneita (myös venäläistyneitä) inkerikkoja. Heitä oli aika paljon Spankkovalalla, vähän Ropsussa, Hietamaellä ja Tuutarissa, aika paljon Serepetassa ja Tyrössä [Köppen 1867]. Sen lisäksi lukuisat Skuuritsan, Venjoen, Inkerin ja Liissilän suomenkieliset "venäläiset" lienevät olla inkeroista juurta (jos he eivät olleet ottolapsia jne). Aikaisemmin, eli 1700-luvulla, näissä pitäjissä lienee ollut inkeroisia enemmän. «Laatii-kielen» yhteyttä inkeroisiin voidaan selittää näin tavoin: «laatii-kielen» alue muodostui vanhalla inkerikkojen

asuma-alueella, jossa myöhemmin saapui niin paljon suomalaisia, että siellä muodostui suomalainen enemmistö. Inkeroiset asuivat enää Keski-Inkerissä paikoin, hajaillaan. Sitä seuroi inkeroisten suomalais-tuminen; heidän omaperäinen kieli katosi; sen sijalla – osaksi sen pohjalla – paikkakunnalla muodostui sekaperäinen suomalaismurre.

Laatii-sanan juuret

Suomen kielessä esiintyy verbi *laatia* 'tehdä, valmistaa, rakentaa, saada aikaan; sommitella, järjestää'. [NSS 2. 1966]. Sanakirjassa on esimerkkejä *laatia*-verbin käytännöstä:

[...] harvemmin varsin. konkr. toiminnasta | *Laatia* suunnitelma, ohjelma. *Laatia* laki, pöytäkirja, runo, tutkielma. *Laatia* asemakava. Kuitit *laaditaan* lomakkeisiin. Mietinto on *laadittu* uuteen muotoon. – *Laatia* tupaa, asumus, vene. Lintu *laatii* pesän. [...]

Voidaan olettaa että *laatia*-verbin perusmerkitys voinut olla *tehdä*, myös *tehdä hyvin, tehdä sopivaksi, tehdä kauniisti*.

Laatia-verbi merkityksellä 'puhua suomea, puhua omaa kieltä' (omaa suomen kielen murretta) ei nähtävästikään esiinny Inkerinmaan ulkopuolella; se on ainakin Keski-Inkerin suomen murteiden ominai-

suus. Tämän ilmiön syynä voisivat olla Keski-Inkerin kantaväestön kontaktit, inkeroisiin ja venäläisiin ja «haastaa-kielen» kantajiin.

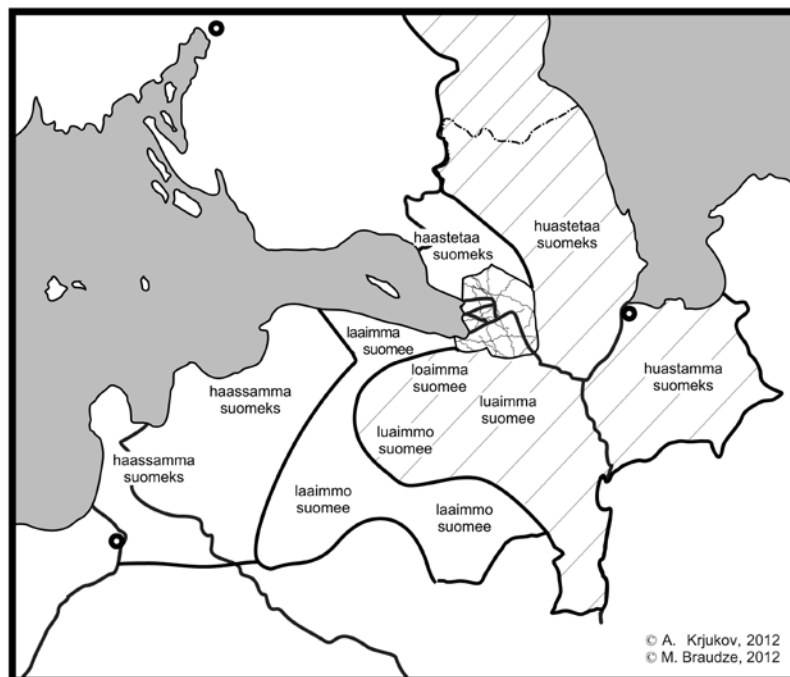
Laatia-verbi tunnetaan lähisukukielissä:

inkeroinen *laatia* 'tehdä, valmistaa, panna, jutella' | karjalainen *loatie* 'tehdä, rakentaa, laatia, valmistaa; sopia', *loatiekeh* 'sopia, soveltua, olla sovussa, käydä päinsä' | lyydi *luad'ida* 'tehdä, valmistaa', *luad'izetta* 'tehdä sopimus' | vepsä *lat't'a* (prs. *lad'in*) 'valmistaa, korjata; aikoa' | vatja *laadittaa* 'valmistaa huolellisesti', (Kukk) *laatsia* 'tehdä, laittaa kuntoon, pukea; tarinoida, jutella' | virolainen (murt.) *loadida* 'puhua; järjestää', *laaditada* 'laittaa kuntoon, valmistaa' [SSA 2. 2001].

Laatia-sanana alkuperä on selvästi slavilainen; sen pohjana on venäläinen verbi *ladit'* 'jarjestää, valmistaa, korjata; aikoa; sopia; puhua (jankuttaa)' [SSA 2. 2001]. Voidaan olettaa, että *laatia* on venäjän laina itämerensuomalaisten yhtenäisyyden ajanta.

Haastaa ja laatii sanamuotoina

Suomen murteet, joissa pitkien vokaalien sijalle tulivat diftongit, muodostavat omia levinneisyysalueita. Inkerissä ja Viipurin Karjalassa

Kartta 2. Diftongiutumisen ja sen puutteen alueet Inkerissä ja Kanaksella 1900-luvulla (koskee m. m. inkeroisurteita). «Haastaa-kielen» ja «laatii-kielen» murteiden ryhmät Inkerissä 1900-luvulla.

diftongiutumisen alue rajoittuu alueille, joissa pitkien vokaalien diftongiutumista ei tapahtunut.

Diftongiutumisen alueen rajat Inkerissä eivät vasta «haasta-kielen» ja «laatii-kielen» rajoihin; näin sekä «haasta-kielen» että «laatii-kielen» alueilla löytyy murteita, joissa säilyvät pitkät vokaalit, sekä murteita, joissa pitkin vokaalien sijoille tulivat diftongit.

Näin myös *haastaa* ja *laatii* -sanat esiintyvät Inkerissä eri muunnoksissa, joita on täällä joukko. Tähän joukkoon kuuluvat vielä IPL eri päätteet (-*mma* / -*mmo*) Keski-Inkerissä, ja Pohjois-Inkerissä tapana ollut passiivi IPL sijalla (usein myös 3PL sijalla). Tämän lisäksi Länsi-Inkerissä esiintyy *haastaa*-sanana paikallismuoto *haassaa* [Муслимов 2009: 195].

Kartalla 2 on merkitty Inkerin-suomen murteet tunnussanoilla *haastaa* ja *laatii* IPL muodossa. Seuraavassa selityksessä samat murteet ovat merkitty tunnussanoilla *haastaa* ja *laatii* 3PL muodossa:

Inkereellä, Liissilässä, Skuoritsassa, Spankkovalla ja Kolppassa, Ropsussa, Tuutarissa ja Venjoella, osaksi Koprinnassa, Kupanitsassa ja Serepetassa *luatiit suomee*;

Hietamällä *loatiit suomee*;

Tyrön ja Moloskovitsan suomalaiset, osaksi Serepetan (Suokylä), Kupanitsan (Kanasko, Pekunitsa, Oseritsa) ja Koprinnan (Siiverska, Iisaro) *laatiit suomee*;

Valkeasaarella *haastetaa suomeks* (passiivi IPL sijalla);

Muulla Pohjois-Inkerissä *huastetaa suomeks*;

Itä-Inkerin suomalaiset *huastoivat suomeks*;

Länsi-Inkerin suomalaiset *haassoivat suomee*;

Tässä on lisättävä, että kumpaat verbit, sekä *haastaa* että *laatii*, käytetään eri suomi -sanana muotojen kanssa, siis *haastaa suomea* / *suomeks* ja *laatii suomee* / *suomeks*; kuitenkin, useampi sattuu *haastaa suomeks* ja *laatii suomee*.

Haastaa -verbin käytöstä

«Laati-kielen» alueella tunnettiin ja käytettiin *haastaa*-verbi merkityksessä 'kertoa, sanoa, ilmoittaa'. Nina Sulsti (s.1927), kotoisin Tyröstä, Konnun Soikkinasta, juuri «laati-kielen» alueelta, selittää

haastella ja *haastaa* -verbiä käyttöä sellaisella esimerkillä: "Katri-täti haasteli kun hiä oli Kuusijas, tapasi Hilman, joka haastoi jot nyt pääsee ajama linnaa maššinal" (= Katritäti kertoi että hän oli käynyt Pietarhovissa, ja tapasi Hilman, joka sanoi, että nyt saa ajaa Pietariin junalla).

«Haastaa-kielen» alueella ei ainakaan käyty *laatii* -verbia, muuten kuin «toisenlaisen suomen kielen» merkinä. Näin oli ainakin 1900-luvulla; aikaisemmin on voinut olla toisin.

Laatii ja läätä

Yksi tärkeimmistä inkeröismurteiden yhteispiirteistä on tunnusverbi *läätä* 'puhua, jutella' [Nirvi 1971:286]. Tähän täytyisi lisätä, että *läätä* tarkoittaa 'puhua inkeröismurretta' [TKT]. Tämä kuuluu joka tapauksessa Länsi-Inkerin inkeröismurteille, nim. Hevaan, Soikkolan ja Ala-Laukaan murteille (hävinneistä inkeröismurteista ei ole riittävästi paljon tietoa).

Huomattava on se, että Keski-Inkerin «laatii-kielen» alueen naapurissa luoteisessa on ollut inkeröisten «läätä-kielen» alue. Kumpaat vebit, *laatii* sekä *läätä*, lienevät olla samaa juurta. Nirvi mainitsee *läädä*-verbin yhteyttä *laatia* -verbiin (jonka merkitykset ovat samanlaisia kuin suomen kielessä), ja näyttää sen alkuperää vrt. *läädä* < ven. ладить [Nirvi 1971: 256].

Laatii ja *läätä* -verbit ovat yhtä juurta; kummallakin on merkitystä 'puhua omaa kieltä', mikä ei ole tyypillistä suomen murteille; voidaan olettaa «laatii-kielen» olevan yhteydessä Keski-Inkerin entiseen väestöön, inkeröisiin.

Murretiedot ja eräät tutkielmat kansallisen maantieteellisen terminologian alalla [Krjukov 2009] myös antavat perustetta olettaa, että Keski-Inkerin «laatii-kielen» alue on selvä muinaisinkerin jälki.

Länsi-Inkerissä, jossa paikallinen inkeröisväestö (myös vatalaiset omassa paikkakunnassa) oli isolukuinen, ei tapahtunut inkeröisten suomalaisuutta. Kyllä inkeröismurteet ja suomalaismurteet vaikuttivat toisiinsa ja osaksi muuttuivat toisenkaltaisiksi, mutta suuremmaksi osaksi ne jäivät eri murteiksi. Toisin sanoen, inkeröismurteet säilyivät siellä, missä asui suuri määrä inkeröisiä, entä suomalaisia ei ollut paljon.

Itä-Inkerin suhteessa voi ymmärtää näin, että siellä suomalaisväestö muodostui ja kasvoi ilman inkeröistä pohjaa, sillä sinne ei jäänyt paljon inkeröisiä.

Rajat muuttuvat

«Haasta-kielen» ja «laatii-kielen» alueiden rajat eivät olleet aina samassa asemassa. Veera Ollikainen mainitsee, että «laatii-kieli» on ollut käytössä Pohjois-Inkerissä:

huastaa 'puhua, keskustella';

Suomes olles opettiit huastamaa, siihe ast meil vua luatiit (Vuole);

(tässä huomautus: kertoja on oppinut «huastaa-kieltä» kansalaissodan aikana).

luatii (Keltto) 1) 'puhua';

kaik muut mei kyläs huastaat, myö viel kahe kese luajitaa (Vuole) 2) tehdä, järjestää (Keltto) [Ollikainen 2003:51, 182]

Tästä tulee juuri se, että «laatii-kieli» oli vielä 1920-luvulla käytössä Vuoleella, ja että se oli silloin jo kadoksissa. Todennäköisesti Pohjois-Inkerissä tapahtui joskus 1800-luvun lopussa kielen (murteen) vaihto.

On muitakin mainintoja, että 1890-luvussa Keltossa paikalliset suomalaiset *loativat* omaa kieltä [Sihvo 1990:97]. Voidaan olettaa «laatii-kielen» laajempaa levinneisyyttä entisaikoina; joka tapauk-

ssa tietetään, että Pohjois-Inkeri oli aikaisemmin kuulunut «laatii-kielen» alueelle.

Veera Ollikaisen teos sisältää Vuoleen ja Kelton murreseuran; mikäli Vuoleen murteet muodostivat yhtä ryhmää Lempaalan ja Toksovan murteiden kanssa [Муслимов 2009:201], saadaan olettaa, että *luatii* 'puhua' esiintyi ennemmin muissakin Pohjois-Inkerin pitäjissä (Lempaalassa, Toksovassa jne).

Voidaan olettaa «haasta-kielen» ekspansiota Viipurin Karjalasta etelään päin (yli Suomenlahden, Länsi-Inkeriin) ja itään päin (Pohjois-Inkeriin ja edelleen, Itä-Inkeriin).

Pietariä saisi käsittää kilpinä, joka säilytti Keski-Inkeriä «haastaa-kielen» vaikutuksesta.

Tämä tutkielma on perustettu tekijän havainnoilla ja huomatuksilla Inkerissä. Aihe on ilmeisesti tuttu kaikille inkerinsuomaisille, kuka vaan säilyttää omaa kotikieltään. Ihmeellistä on se, että tämä aihe ei ollut aikaisemmin tutkittu kielentutkijoiden puolelta.

Tekijä kiittää tohtori **M. Muslimovia** tärkeistä neuvoista ja tietoista. Kiitoksia myös yrittäjä **M. Braudze**:lle avusta karttojen tekemisessä.

A. Krjukov

Viitteet:

- Itkonen, Terho. Välikatsaus suomen kielen juuriin / Virittäjä 1983. S.197.
Kettunen, Lauri. Suomen murteet. Murrekartasto. 1940.
Krjukov 2009: Kylänotsa ja kylänpää Inkerissä. Inkeri 2009/1
Köppen 1867: Erklärender Text zu der ethnographischen Karte des St.Petersburgischen Gouvernements von Peter v. Köppen. St. Petersburg. 1867.
Муслимов 2005: Муслимов М. З. Языковые контакты в Западной Ингерманландии (нижнее течение реки Луги). Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. / РАН. ИЛИ. Санкт-Петербург 2005.
Муслимов 2009: Муслимов М. З. К классификации финских диалектов Ингерманландии / Вопросы уралистики. РАН. ИЛИ. Санкт-Петербург 2009.
Nirvi 1971: Inkeröismurteiden sanakirja. Toimittanut R. E. Nirvi. Helsinki 1971. S. 286 (lääDä)
NSS: Nykysuomen sanakirja 1. A—K. 1966. 2. L—R. 1966.
Ollikainen 2003: Ollikainen, Veera. Pohjois-Inkerin murreseuranakirja. Kotus. Helsinki 2003.
TKT: Tekijän kenttätietoja, v:lta 1986.
Sihvo, Pirkko. Varsinaiset vallan omat / Inkerin teillä. Kalevalaseuran vuosikirja 69-70. SKS Helsinki 1990.
SSA: Suomen sanojen alkuperä. 1. A—K. SKS. 2001. 2. L. 2001.
Virtaranta, Pertti. Länsi-Kannaksen murrekirja. SKS, Helsinki. 1982.

«MÄNIN MINÄ KERRAN MARKKINOILLE» – «MIE MYÖS!»

Jaa... Sillä lailla...
Mie oon vanha... hyvin vanha...Jaa...
Mutta... mutta nytpä muistan, mitä pittää tehdä tyttöjen kans...
Joo...Kyllä mie muistan, mitä pittää tehdä...Juu...

Mänin mie kerran markkinoille, laulavat mustatukkainen rouva ja liäppähattuinen herra apulaisten kans...

Joo... apulaisi on ku punaisen armeijan kuoros – nii paljon!
Markkinoille, markkinoille, kolme kertaa (mie kävin!)
Ja tapasin mä siellä sen Maija-tytön (mie myös!)
Ja siel myö yhdessä lauletti,
Jot hei la pimppam pumpparlutta, tyrlyrlyttä, tärlärlättä (jne)
Vein mä Maijan karuselliin (mie myös!)
Ja ostin mä Maijalle karamellin (jne)
Oikein! Ja sitten:
Sit myö mäntii piilopaikkaa (myö myös)
Piilopaikkaa, piilopaikkaa,
Vanhan mummon villa-aittaa
Ja siel myö yhdessä lauletti (jne)
Kyl mie muistan...minä paljon muistan!!!
Mie muistan, mitä pittää olla sitten:

...lammeen,
Mis' ei vesi jähty,
Ei paista aurinko,
Ei loista kuu...
Kyl mie muistan, mitä pittää tehdä tyttöjen kans piilopaikas...
Mustatukkainen rouva ja liäppähattuinen herra vissi ei muista...

Mieleeni muistui vaan:
Ensi kerran neitoa,
Suudella kun tahdoin ma,
Huulensa pois tyttö vei,
Kirkkui: «EI!»

Mutta:
Seuraavalla kerralla
Hiljaa antoi suudella,
Kainosti viel' pyysi hän:
«ENEMMÄN...»

Ja sit myö mäntii asemalle...mmm...piilopaikast asemalle... Miksi?
Maija se jäikii junan alle,
ja sit myö yhdessä lauletti” (jne)
Maija se jäi junan alle, ja mustatukkainen rouva liäppähattuinen herran kans laulavat:

ja sielläkii yhdessä lauletti!!!
Vein mie Maijan hautusmaalle, тьфу!!!...hyi!!!
Näin voisi olla Afrikas tai toises maas – ei Inkeris!...
Mustatukkainen rouva ja liäppähattuinen herra vist oot käyneet Afrikas...

Joo...Anteeks! Kyl mie muistan, jot oli toisin:
Kolmannella kerralla
Kuumeisella kihkolla
Tyyttö kuiskas' – “Nyt ei saa!”
Lopettaa!!!
...Siinäpä se!...Jaa...
Hyö vaan: *sielläki yhdessä lauletti!...*
...K I I T O S !

Slava

Талапанцы и «Talonmerkit»

С 28 февраля по 2 марта 2011 года в Российском этнографическом музее проходили 5-е международные Шёгреновские чтения на тему: «Историко-культурный ландшафт Северо-Запада-2».

В числе 45 докладчиков были два участника редакции газеты «Инкери» – **Алексей Викторович Крюков** с сообщением «Талапанцы и талапанский язык», и **Владимир Борисович Зернов** с сообщением «Знаки собственности в ингерманландских деревнях».

На экране были показаны таблицы найденного В. Б. Зерновым единого модуля для многих «talonmerkit» – домовых знаков, как их называют у финнов, карел, ижор и води.

Лаконичные графические знаки изображались на инструментах, рабочем инвентаре, имуществе (санях, телегах) и на бумажных документах, часто вместо подписи владельца. Одна из представленных В. Зерновым таблиц знаков и их модульной графической подосновы построения показывает около 30 домовых знаков водских крестьян XIX-XX веков.

Уважаемые читатели!

Если вам что-либо известно о домовых знаках – «talonmerkit» и вы можете поделиться этой информацией – обращайтесь в редакцию нашей газеты.

Редколлегия

Päätoimittaja **Aleksanteri Kirjanen**. Varatoimittajat **Antti Pyykkönen**, **Aleksei Krjukov**. Suomenkielisten tekstien oikolukijat **Nina Sultsi**, **Toivo Flink**. Murretekstien oikolukija **Mehmet Muslimov**. Kuvat **Irina Ljubimova**. Taitto Kustannustalo Inkeri oy. Puh./faksi +7 812 234 86 54. Postiosoite: Venäjä 198215, Pietari, 4a-22-303, Professora Popova. Painettu kirjapainossa Inkeri kustannustalo oy, Pietari, Karpovka 5, rak. 22, h.401. Painosmäärä 600.

Газета зарегистрирована Северо-западным окружным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций, свид. ПИ № 2-6048 от 9 июля 2002 года. Учредители: А. И. Кирьянен, В. И. Койванен, А. Ю. Пюккенен, А. А. Сыров. Главный редактор А. И. Кирьянен; заместители главного редактора А. Ю. Пюккенен, А. В. Крюков. Отпечатано ООО "Издательский дом "Инкери". Телефон/факс: (812) 234-86-54. Web: www.inkeriprint.ru. Адрес: 197376, СПб, ул. Проф. Попова, 4а, корп. 22, офис 303. Тираж: 700 экз. Заказ № 87. Цена договорная. Подписано в печать 19.06.2012 г., по графику - в 10.30, фактически - в 15.30.